

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ
ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Москва

1993

**Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики**

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ
ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
(КОНЕЦ XVIII – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)**

**Тезисы докладов
международной конференции
Ноябрь 1993 г.**

**Москва
1993**

Сборник содержит тезисы докладов, полученных Оргкомитетом международной конференции "Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения (конец XVIII – вторая половина XIX в.)", проводимой Институтом славяноведения и балканистики РАН в ноябре 1993 г. На конференции предполагается обсудить широкий круг актуальных проблем, связанных с выяснением роли литературных языков в процессе формирования наций, национального самосознания и национальной культуры. Значительное внимание будет уделено вопросам теории и типологии литературных факторов в их эволюции, а также характеристике русско-инославянских культурных и языковых связей в эпоху национального возрождения.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. Н. СМИРНОВ (ответственный редактор),
Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, Ю. Е. СТЕМКОВСКАЯ

ISBN 5-201-00773-2

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1993

Г.К.Венедиктов (Москва)

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ В СПОРАХ БОЛГАРСКИХ ВОЗРОЖДЕНЦЕВ О ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В литературно-языковой ситуации у болгар во второй половине XVIII в. — первые десятилетия XIX в. важнейшее место, как известно, занимает церковнославянский язык (в другой терминологии — русско-церковнославянский, древнеславянский литературный язык московского центра, древнеболгарский язык русской редакции), функционирование которого на болгарских землях было обязано широкому использованию изданных на этом языке на Руси богослужебных книг. Строго нормированный, выступавший прежде всего как язык богослужения, он имел у болгар высокую степень престижности, получил народную поддержку от посягательств на его ограничение в церкви со стороны греческого духовенства. Церковнославянский был языком обучения молодых болгар славянской грамоте по русским изданиям церковнославянских букварей, часослова, псалтыри и других текстов богослужебного назначения. Хотя и не столь широко, он использовался болгарами и для создания ими новых (собственных) текстов.

Существенной особенностью положения церковнославянского языка у болгар в указанное время сравнительно с его положением у других славян было его восприятие болгарскими книжниками как языка собственно древнеболгарского, созданного Кириллом и Мефодием. Только в 40-е годы XIX в. образованные болгары, особенно воспитанники российских учебных заведений, начинают разграничивать эти языки. отождествляя церковнославянский язык с собственно древнеболгарским, деятели Возрождения рассматривали его как величайший вклад болгар в общеславянскую культуру, самих болгар — как естественного и законного его преемника, а защиту от посягательств на его древнеболгарские истоки со стороны других славян — как непреломный национально-патриотический долг.

Важное место церковнославянского языка в литературно-языковой ситуации на болгарских землях и особое отношение к нему болгарских возрожденцев наложили существенный отпе-

чаток на движение болгар за создание нового общеполгарского литературного языка — одной из центральных задач национально=культурного возрождения болгарского народа.

На первых порах данного движения остро обсуждался вопрос о характере того литературного языка (его основы), который болгарам предстояло создать, и путях его нормализации. При всей важности церковнославянского языка в культурной жизни болгар и при всем подчеркнута патриотическом отношении к нему со стороны многих книжников, в 20-е годы и позднее идея использования церковнославянского языка как единого общеполгарского литературного языка в условиях национально=культурного возрождения по существу не получила серьезного распространения и широкой поддержки. Споры же возрожденцев велись главным образом вокруг того, какое место и какая роль должны быть отведены церковнославянскому в создании действительно нового литературного языка, который отвечал бы возникавшим потребностям складывавшейся нации. В решении именно этого вопроса мнения болгарских возрожденцев кардинально расходились. Одни из них полагали, что такой язык должен формироваться на базе церковнославянского (в их понимании — собственно древнеболгарского) языка, ориентироваться на него или быть с ним тесно связан. Другие же считали, что новый литературный язык следует создавать на народно=разговорной основе — народной речи (диалектах, говорах) того времени. Необходимость того и другого типа нового литературного языка и путей его создания обосновывалась целым рядом аргументов, важнейшими из которых у первых (архаистов) были высокая престижность церковнославянского как языка древнеболгарского, необходимая преемственность с ним вновь создаваемого литературного языка, понятность такого языка не только для болгар, но и для других славян, недопустимость принижения нового литературного языка до уровня языка необразованных людей. Вторые (новаторы) утверждали, что новый литературный язык должен базироваться на народной речи, чтобы быть общепонятным для всех болгар и стать средством быстрого приобщения широких слоев населения к достижениям знаний, куль-

туры, средством скорейшего развития образования, литературы и др. В острых спорах о характере нового литературного языка и путях его формирования верх взяли новаторы.

Причина неуспеха попыток создания нового литературного языка на церковнославянской основе в современной лингвистической литературе усматривается обычно во внутренних (структурных) свойствах церковнославянского языка - в его архаической грамматической структуре и связанной с этим значительной удаленности его от живого народного языка болгар. Именно это якобы и лишало церковнославянский возможности стать базой создания такого полноценного средства устного и письменного общения болгар, которое отвечало бы вновь возникавшим национально-культурным потребностям общества. Очевидно, однако, что причина сравнительно быстрого схода идеи о церковнославянской основе нового литературного языка с арены филологической борьбы лежит не столько в самих этих и других особенностях структуры церковнославянского языка, сколько скорее в некоторых экстралингвистических обстоятельствах, имеющих отношение к нему в болгарской ситуации эпохи Возрождения.

Одно из таких важных обстоятельств - непонятность или точнее, может быть, малопонятность церковнославянского языка для широких масс болгарского населения, несмотря на его использование как языка богослужения. Высказывавшееся некоторыми возрожденцами мнение о том, что церковнославянский, как язык древнеболгарский в их представлении, все болгары понимают хорошо и даже лучше, чем его понимают другие славяне, верно лишь в том, что касается степени понятности языка одних славян для славян других, с одной стороны, и естественного убеждения в понятности церковнославянского рядом с заведомо непонятными языками неславянскими. По существу же церковнославянский для необразованных болгар эпохи Возрождения оставался языком непонятным или в лучшем случае малопонятным, подтверждением чему служат в частности многочисленные свидетельства других книжников того времени. Именно это обстоятельство требовало бы от болгар значитель-

ного времени и усилий для овладения языком на церковнославянской основе в такой мере, чтобы он на деле мог стать средством быстрого и широкого просвещения народных масс и решения других возрожденческих задач. Отметим, что заблуждение некоторых возрожденцев о понятности церковнославянского языка для болгар разделяется и отдельными современными исследователями.

Другая существенная причина неуспеха попыток устройства болгарями нового литературного языка на церковнославянской основе лежит в очень узкой социальной базе тех, кто его использовал в эпоху Возрождения. Несмотря на высокий престиж церковнославянского языка, болгар, знавших этот язык практически, т.е. умевших писать и говорить на нем, во второй четверти XIX в., когда у них развернулись споры о характере нового литературного языка, было очень мало. Иными словами, у болгар в то время не оказалось достаточно широкого круга образованных приверженцев такого пути создания литературного языка (хотя среди них были и весьма авторитетные деятели, например, Хр.Павлович, К.Фотин), необходимых для расширенного воспроизводства и распространения текстов — устных и письменных — на данном языке. Без такого условия успешное противостояние мощному движению за устройство литературного языка на народно=разговорной основе, а тем более его устранение было не реально, особенно, если учитывать полное отсутствие каких=либо авторитетных, за исключением церкви, общественных, культурных, не говоря уже о государственных, институтов, которые могли бы поддерживать создание такого литературного языка и его распространение среди болгар.

В.П.Гудков (Москва)

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
В СВЕТЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА У СЕРБОВ

Опыт изучения истории отдельных литературных языков и их современного функционирования порождает у исследователей сознание неудовлетворенности существующими трактовками разноликого и разно дефинируемого феномена, называемого ли-

тературным языком. Вместе с тем накопленные в последние десятилетия обширные сведения о языковых ситуациях в различных регионах и их динамике в разные периоды истории дают возможность ревизовать известные литературно-языковые концепции и подойти к разработке универсальной "модели" изучаемого явления, приложимой в своих основных характеристиках как к современной действительности, так и к реалиям донациональной эпохи.

Осмысление развития сербской письменности и литературы (в самом широком значении термина) и разнообразия их материально-языковых средств и систем в разные периоды истории этноса и его культуры побуждает нас, во-первых, ревизовать понятия "литературный сербский язык" и "литературный язык у сербов" (т.е. устранить представление о порождении литературного языка естественной - диалектной речью народа) и, во-вторых, приводит к осознанию существенного различия функций языка литературного и изначальных коммуникативных средств народа (что находит выражение, в частности, в установлении и совершенствовании письменности как атрибута литературного языка).

В свете сказанного предлагается следующее рабочее определение понятия литературный язык. Литературный язык есть система (системы) (обще)принятых речевых средств выражения (фиксации) социально-значимой информации (производственной, мировоззренческой, художественной и т.п.) с целью ее передачи в пространстве (между соотечественниками) и во времени (между представителями разных поколений). Обсуждение данной дефиниции может способствовать плодотворному поиску решений сложной литературно-языковой проблематики.

Е.И.Демина (Москва)

КОНЦЕПЦИЯ Ю.И.ВЕНЕЛИНА ПО УСТРОЕНИЮ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Неоднократно отмечалось, что выдающийся российский ученый-болгарист Ю.И.Венелин (1802-1839) "сыграл исключительно благотворную роль в деле Болгарского возрождения не только

в смысле пробуждения в болгарском обществе исторических и филологических интересов, но и прежде всего в смысле подъема его национально=политического сознания" (Н.С.Державин). В докладе предпринимается попытка показать, что отмеченные стороны плодотворной деятельности Венелина нашли свое преломление в разработанной им концепции устройства литературного языка болгарского народа на переломном к новому состоянию этапу его развития.

Об этой концепции (которая во многом базировалась на впечатлениях Венелина от личных контактов с болгарскими учеными и простыми людьми, полученных им во время его известного ученого путешествия в Болгарию в 1830-1831 гг., предпринятого по заданию Российской академии, а также на материале вывезенных им из этого путешествия рукописных и печатных источников) мы можем судить как по ее эксплицитному отражению в подготовленной Венелиным к печати, но оставшейся вплоть до нашего времени неопубликованной "Грамматике нынешнего болгарского наречия" /1834/¹ и в других его трудах и письмах, так и на основе анализа тех или иных предлагаемых Венелиным в "Грамматике" кодификаторских решений по устройству литературного языка болгар.

Чтобы понять существо данной концепции, ее место в кругу других опытов устройства болгарского литературного языка Нового времени, необходимо охарактеризовать литературно=языковую ситуацию периода, когда она создавалась. Это был момент, когда начавшийся еще в XVII столетии в письменности новоболгарских дамаскинов и охватывающий собой предвозрожденческий и ранний возрожденческий период процесс демократизации литературного языка, его сближения с живой разговорной речью, вызвавший к жизни появление все новых и новых опытов создания книжного языка на народной основе, различавшихся выбором диалектной базы и отношением к традиции, и тем самым - дивергентное развитие литературного языка как историко=культурного феномена, именно в силу последнего уже не отвечает требованиям времени - задаче сплочения нации на основе единого языка культурного общения. Создание в 1824 г.

знаменитого "Рыбного букваря" Петра Берона, написанного "просто", "на наш язык" с целью введения живого народного языка в качестве языка школьного обучения взамен церковнославянского, явилось не только блестящим завершением этой линии развития, но и одновременно своего рода имплицитной постановкой новой задачи. С середины 30-х годов XIX в. болгарским обществом овладевает идея создания единого для нации литературного языка, выработки "общей грамматики для всей Болгарии", "которой все должны следовать в своих писаниях", впервые сформулированная Неофитом Рыльским в "Филологическом предуведомлении" к его "Болгарской грамматике" /1835/. Начинается этап конвергентного развития, соперничества нормализаторских установок трех школ устройства литературного языка - церковнославянской, славяноболгарской и новоболгарской - в итоге сложного развития и обратной связи между письменным узусом и письменной нормой в третьей четверти века завершившийся созданием современного болгарского литературного языка.

Венелину удалось понять и попытаться претворить в жизнь эту ведущую тенденцию болгарского литературно-языкового развития, что и легло в основу предложенной им концепции устройства болгарского литературного языка нового времени, попытки его нормализации. Если учесть, что "Грамматика" Венелина, в которой воплощена эта концепция, была завершена ранее публикации труда Неофита Рыльского, можно смело говорить о самостоятельности исходных посылок ее автора.

При решении поставленной задачи Венелин прежде всего стремится разобраться в том, что мы сейчас назвали бы историко-культурной и социолингвистической ситуацией в современной ему Болгарии, в проблеме соотношения между "нынешним Болгарским наречием" и "старым Болгарским языком", между ними и другими славянскими языками, в первую очередь, русским. При этом он исходит из следующих представлений.

1. "Нынешний болгарский к старому болгарскому /т.е. нынешнему церковному/ находится почти в таком же отношении, как и ново-греческий к старому же греческому. Следовательно,

старо-болгарская литература есть то же самое, что церковно-славянская"².

2. Современная языковая ситуация в Болгарии характеризуется тем, что вот уже 450 лет, как "Болгарский народ не имел своего высшего сословия, своего дворянства; в продолжение четырех с половиной столетий болгаре составляют сплошь черный рабочий народ Европейской Турции: у тот самый язык, коего богатству в словах и формах, полноте, благозвучию, выразительности и высокомыслительности удивляемся в текстах перевода Св.Писания и богослужебных книг, ныне уцерблен, унижен, лишен изящества, одет в рубище и сослан на хутора по Болгарии, Румелии и Македонии"³. При этом болгары лишены влияния своего канонического, богослужебного языка, "ибо со времен подчинения в период царствования Екатерины II болгарских церквей цареградскому патриарху, славянское богослужение во всех епархиях заменено греческим"⁴ (в другом источнике Венелин отмечает сохранение славянского богослужения в Татар-Базаре, Рильском монастыре и в некоторых местах Балканских гор).

3. "Письменность же болгар пришла в совершенный упадок с тех пор, как Султан Селим по ходатайству цареградского патриарха Самуила в исходе прошлого века упразднил болгарское патриаршество, издревле существовавшее в Тернове, и подчинил болгарскую иерархию цареградскому патриарху"⁵.

На основании этих исходных посылок делается важнейший для концепции Венелина вывод: "Вот с какой точки зрения следует глядеть на нынешний болгарский язык, т.е. как на отживший свою первую эпоху, находящийся на степени уничтожения и на том самом повороте к новому, может быть, если же провидению угодно судет, возрождению, в котором язык может сделать значительное отклонение от самого себя первой эпохи, если сие вторичное образование его не будет происходить под влиянием письменных памятников, т.е. без изучения книг Св. Писания и богослужебных" (выделено мной. — Е.Д.)⁶. Констатируя факт перехода болгарского литературного языка как историк=культурного феномена, как "целого" к новому состоянию,

Венелин формулирует важнейший принцип своей концепции этого перехода: "вторичное образование" болгарского литературного языка должно опираться на связь с традицией, избегать "значительного уклонения от себя самого первой эпохи". В этом убеждении Венелина поддерживала мысль о необходимости сближения литературных языков славянских народов, прежде всего болгарского и русского. А именно, поскольку "русский язык очень многим обязан богослужебному, можно бы надеяться, что и болгаре по большей части, вместо новых уклонений, воротились бы на прежние формы, и тем весьма много сблизились бы с русским языком, коего они, — по мнению Венелина, называющего русским языком восточнославянские языки, — собственно суть только наречие"⁷.

Означает ли это, что Венелин встает на путь, характерный для представителей церковнославянской или славяноболгарской школы устройства болгарского литературного языка? Анализ его взглядов и предлагаемых им конкретных решений позволяет отвергнуть это предположение. Так, избрав в своей "Грамматике" в качестве "образца слога и правописания" текст Жития Петки Тырновской знаменитого болгарского патриарха Евфимия Тырновского в его новоболгарской версии по одному из дамаскинов ХУП в. (нам в свое время удалось выявить, что это был Тихонравовский дамаскин), Венелин в письме А.С.Шишкову от февраля 1834 г. следующим образом аргументирует этот выбор: "Четь сия извлек из рукописного собрания разных поучительных слов на праздничные дни, писанных на простом наречии. Это я предлагаю в виде Хрестоматии болгарской ... чтобы заставить говорить самого какого-либо болгарина" (выделено мной. — Е.Д.)⁸. Из этих слов следует, что за основу нормализации литературного языка Венелин избирает народный язык, "простое наречие". Заметим, что для книжного болгарского языка ХУП в. на народной основе, отраженного в избранном тексте по Тихонравовскому дамаскину, характерна прямая связь с традицией на уровне системы письма и отчасти словаря, что, видимо, импонировало взглядам Венелина на характер нормы "вторично образуемого" литературного языка болгар. Венелин ясно осозна-

вал важность выбора диалектной основы литературного языка. "Если народу пришла пора приниматься за грамоту, — замечает он, — если его язык расстался на несколько наречий, если неизбежен выбор одного из них для литературы, то сочинители должны быть весьма осторожны и разборчивы в этом выборе"⁹. Возможно, язык Тихонравовского дамаскина, отражающий особенности народно-разговорного койне района Средней Старой Планины у границы по Ъ и сочетающий в себе, как это характерно для говоров центрального типа, восточноболгарские и западноболгарские диалектные черты, именно поэтому и привлек внимание Венелина. В таком случае ему удалось прозорливо угадать, какой в конечном счете будет диалектная основа болгарского литературного языка.

Важнейшей особенностью концепции Венелина является то, что он исходит из необходимости единства литературного языка и настаивает на кодификации его нормы, прежде всего орфографической, что, как отмечено выше, отвечало основной задаче и духу времени. "Правописание вещь священная, — пишет он, — которую нельзя ворочать как игрушку, кому как захочется. Прежде нежели приниматься за издание книги, должно критически установить правописание"¹⁰. Пытаясь совместить два исходных принципа — связь с традиционной нормой и обращение к живой народной речи, — за основу своего "критического опыта болгарского правописания", который Венелин адресует "будущим болгарским литераторам", он предлагает взять этимологическое правописание¹¹. Именно это, по его мнению, могло бы в какой-то мере удержать язык от "уклонения от самого себя первой эпохи" и в то же время удовлетворить "произношению простоядина". С этой целью, в частности, он вводит в гражданский алфавит ряд модифицированных диакритическим значком букв: â, ê, ô, û, ñ, ÿ. Все они обозначают звук /ъ/ живого произношения /и так должны произноситься при чтении/ и в то же время позволяют реконструировать на письме церковнославянские словоформы, в том числе "сбѣши с голоса", по мнению Венелина, надежные окончания. Свой принцип "этимологического правописания" Венелин иллюстрирует через описание грамматических пара-

дига в "Грамматике", а также путем исправления приведенного в ней текста из Тихонравовского дамаскина в соответствии с предлагаемой нормализацией /оригинальный текст, исправленный текст и перевод на русский язык даются в параллельных столбцах/. Нельзя не оценить оригинальности выработанного Венелиным компромиссного решения, хотя развитие орфографических норм современного болгарского литературного языка пошло иным, более прогрессивным путем.

Оценивая концепцию Венелина, необходимо помнить, что это один из первых опытов выработки определенной позиции по проблеме формирования литературного языка болгар нового времени. Уже благодаря этому она заслуживает того, чтобы занять свое, пусть скромное, место в истории болгарского литературного языка эпохи национального возрождения.

1. Рукопись "Грамматики нынешнего болгарского наречия" Ю.И.Венелина хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (РГБ ОР, ф.49, папка I, ед. хр.1).
2. Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1836. С.4.
3. Венелин Ю. Грамматика нынешнего болгарского наречия. С.50.
4. Там же. С.51.
5. Письмо Ю.И.Венелина президенту Российской академии А.С.Шишкову. - РГБ ОР, ф.49, папка I, ед.хр.2, лл.4-4об.
6. Венелин Ю. Грамматика... С.51.
7. Там же.
8. Письмо Ю.И.Венелина президенту Российской академии... Л.4.
9. Венелин Ю. О зародыше... С.47.
10. Там же. С.31.
11. Там же. С.31-32.

А.Д.Дуличенко (Тарту)

К ТИПОЛОГИИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В ЭПОХУ
НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: ОБЛАСТНЫЕ - ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ - ВСЕСЛАВЯНСКИЕ

ЛИНГВОПРОЕКТЫ

Язык, являясь стержневым вопросом в движениях славянских народов за национальное возрождение, оказался в то же время главным объектом острых дискуссий, а нередко и противостояний как внутри отдельных славянских этносов, так и между ними. Это и естественно, поскольку внутри- и межэтни-

ческие языковые ситуации в указанный период не соответствовали времени, тормозили уже назревшие социокультурные перемены (отсутствовал единый литературный язык в одних случаях, официально применялись чужие языки - в других и т.д.). Для разрешения этих противоречий выдвигались различные точки зрения и целые программы, на основе которых формировались более или менее цельные социолингвистические стратегии (СС). После ширококомаштабных работ по типологии славянских литературных языков Н.И.Толстого (собраны в книге "История и структура славянских литературных языков", 1988) и некоторых других исследователей имеет смысл сосредоточить внимание на сопоставительном изучении именно СС, выраженных в концепциях областных (региональных, локальных), общенациональных литературных языков и в проектах всеславянского языка.

Сопоставительное изучение литературно-языковых процессов позволяет сказать, что выделенные три СС характеризовали движения за национальное возрождение как южных, так и западных славян.

Областные литературные языки в рамках одного этнически ограниченного языкового пространства возникали и до указанной эпохи. Ситуация отсутствия единого литературного языка приводила к тому, что в местностях, "покрытых" однородным диалектом (и при наличии там культурных центров, инициаторов и т.д.) возникали свои пробы возвести родной диалект в ранг литературного. Так, в сербско-хорватской языковой ситуации задолго до XIX в. функционировали областные литературные языки на штокавской (ряд вариантов), чакавской и кайкавской основах, при этом на них была создана богатейшая литература. В Словении в XVI в. после попыток П.Трубара создать общелитературный язык на доленской основе в XVII в. появляются тексты и на горенской, а также прекурской, прлешской, штирийской, а в XVIII в. - на приморской, краньской, корошской (каринтийской) основах. Среди западных славян показательна ситуация у словаков, в частности, в связи с созданием в XVI в. так называемого восточнословацкого письменного (культурного) языка, который как бы противостоял функ-

пионеровавшей здесь библичтине. В Польше с XV в. появляются попытки применить в письменности кашубину (в XVI-XVII вв. она употреблялась в церкви).

К концу XVIII - началу XIX вв. внутри каждого славянского этноса созрела мысль о языковом объединении, которая и реализуется в условиях конкуренции между областными литературными языками. Создание общенационального литературного языка - главная цель движений за национальное возрождение - было непростым делом. Прежде всего следовало определить диалектную базу, а затем предпринять усилия, в том числе и организационные, чтобы перейти на нее и тем самым привести в движение единый литературно-языковой процесс, до того функционировавший в нескольких параллельных направлениях. Так, предложенная В.Караджичем штокавица герцеговинского типа оказалась оптимальной для большинства территорий сербско-хорватского языка, хотя процесс перехода на нее шел болезненно. В Словении в XIX в. берет верх вариант общелитературного языка на доленской и горенской основах, а в Словакии - на средне-словацком наречии (Л.Штур и последователи). В течение XIX в. укрепляются графика и орфография этих общенациональных литературных языков, идет постепенный процесс завоевания ими функционального пространства.

Парадокс всей этой ситуации заключается в том, что не все областные языки отмирают: не имея уже возможности конкурировать с общенациональными литературными языками, некоторые из них тем не менее продолжают функционировать наряду с ним. Таков, например, кайкавский, который до 70-х гг. XIX в. культивировался в кайкавской Хорватии (правда, усилиями в основном "последнего кайкавца" И.Кристияновича), прекурши-на - по отношению к общесловенскому, восточнословацкий - общесловацкому литературным языкам; в XIX в. усилиями Ф.Пейковы (а также И.Дердовского, а позднее и младокашубов) происходит национальное возрождение кашубов. Почему это происходило? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся еще к одной СС - проектам всеславянского языка.

Проекты общего для славян языка стали возникать сравни-

тельно рано. Сам старославянский язык, как известно, выполнял роль международного в области культуры и науки (и не только среди славян). В русле идеи славянской взаимности с самого начала возникали проекты и предложения по всеславянскому языку. Речь идет здесь о двух объектах: о собственно проектах искусственного языка и о предложениях принять в качестве всеславянского какой-либо существующий или существовавший славянский язык. В XVI в. о необходимости всеславянского языка говорил протестант Петар П. Вергерий (неизвестно, создал ли он проект такого языка). В XVII в. всеславянский язык разработал и почти все свои сочинения на нем написал Ю. Крижанич. В XVIII в. мысли об общем языке высказывали у словенцев Ю. Кумердей, у сербов — митрополит С. Стратимирович. В период национальных возрождений проекты всеславянских языков не прекращают появляться. В начале XIX в. С. Линде составляет польский словарь со всеславянской ориентацией и желанием взять польский за основу всеславянского; в 1826 г. словак Я. Геркель печатает грамматику "универсального славянского языка", в котором наряду с латинскими предлагает использовать и некоторые кириллические буквы; в 1863—1865 гг. появляется детальная грамматика искусственного "взаимного славянского языка" словенца М. Маяра, который до того пропагандировал идею единого южнославянского языка (и находил некоторое число сторонников).

Таким образом, говоря об эпохе национального возрождения, мы должны иметь в виду одновременно три СС, причем две из них воплощаются в реальные литературно-языковые процессы (в виде областных и общенациональных литературных языков), а одна (всеславянские лингвопроекты) существует лишь в интерпретационном, теоретическом, виде.

Встает вопрос: чем вызвана живучесть областных литературных языков, когда сформировался и утвердился общенациональный литературно-языковой процесс в виде общего литературного языка, и появление все новых проектов всеславянского языка? Ведь и областные литературные языки, и всеславянские лингвопроекты продолжают в ряде мест "сопровождать" функционирование общенациональных языков и в XIX веке: а) в области художественной.

литературы расцвет переживают кайкавщина и чакавщина, литературные прекмурщина и восточнославяцкий затухают лишь после второй мировой войны (но теперь, как кажется, возрождаются), кашубщина на пути к единому литературному языку; б) на рубеже двух веков вновь разгорается дискуссия о всеславянском языке (ср., например, ее освещение на страницах венского журнала "Славянский век"), появляются и новые лингвопроекты (в 1907 г. - новославянский язык И.Гошека, в 1912 г. - славина И.Конечного и слованщина Э.Колкопа, в 1920 г. - славски език Б.Голого, в 1940 г. - свеслав Ч.Джурджевича, в 40-е гг. - слован А.Зидека, в 1954-1958 гг. - междуславянский язык, разработанный под руководством Л.Подмеле, и др.). При ответе на этот вопрос можно, конечно, ограничиться указанием на слабость функционирования общенационального литературного языка на периферии, на дальность диалектных баз, а всеславянские проекты назвать просто "детским занятием" отдельных утопистов (как нередко об этом пишут со времен А.Будиловича). Вероятно, присутствует в этом и то и другое. Однако имеются причины глубинного свойства. Этническое сознание формирует, хранит и охраняет, а в отдельные моменты и актуализирует свое этно-языковое пространство (этнос знает, где "свое" и "чужое", где говорят, "как мы", а где - иначе). Показательным здесь является то, что очерчиваемое сознанием этно-языковое пространство не замкнуто, напротив, оно носит расширительные свойства, т.е. способно выходить за пределы малого. В этой связи этническое сознание представляется нам трехслойным (по реальным признакам его проявления): первый слой - это "малая родина", покрываемая говором или диалектом; второй - "большая родина", которую составляют все соплеменники и все родственные диалекты и говоры, формируя тем самым цельный этнос и целостный язык; и третий слой составляет ощущение себя в близкородственном контексте, а именно в контексте славянских этносов и языков. В рамках первого слоя формируются областные, второго - общенациональные литературные языки, а третьего - проекты всеславянского языка. Этот триединый контекст - опора и защита, средство

выживания этноса. Вот почему каким бы совершенным средством общения и выражения ни был общенациональный литературный язык, находящиеся слева и справа от него части этноязыкового пространства всегда будут давать о себе знать. В случае с областными речь идет прежде всего о более адекватном выражении своих мыслей и чувств (чем это дает сделать общенациональный, наднациональный литературный язык) и приближении тем самым к своим этническим и языковым корням; в случае с проектами всеславянского языка речь идет о некоем символе языкового (и этнического) объединения или единения (существовавшего, кстати, в прошлом, — праславянский, а затем старославянский языки), которое "поддерживает" этноязыковой статус сегодня и дает надежду на определенные перспективы на будущее.

М.И. Ермакова (Москва)

НЕМЕЦКО-СЕРБОЛУЖИЦКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ИСТОРИИ СЕРБОЛУЖИЦКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Серболужицкий язык является единственным славянским языком, носители которого с начала XX в. характеризуются полным коллективным двуязычием. В условиях продолжительного билингвизма результаты немецко-серболужицкой и серболужицко-немецкой интерференции проявляются на разных уровнях языковой структуры: в фонетике и фонологии, морфологии, синтаксисе, лексике, словообразовании, фразеологии. При этом речь идет главным образом о влиянии структуры немецкого языка на все формы существования серболужицкого языка — верхне- и нижнелужицкие литературные языки, письменные и устные, разговорный язык и диалекты.

В серболужицкой лингвистической литературе пока не существует систематических исследований всех проявлений немецкого влияния на серболужицкие литературные языки и диалекты. В опубликованных до сих пор работах взаимодействие немецкого и серболужицкого языков освещается на примере отдельных явлений или фрагментов языковой системы и, главным образом, на материале некоторых верхнелужицких диалектов¹.

Лишь в статьях и неопубликованном исследовании Р. Летча рассмотрен характер влияния немецкого языка на словоизменение имени и глагола в верхнелужицком литературном языке, начиная с конца XVI в. Наблюдения над немецко=верхнелужицкой интерференцией в конкретном говоре (Парцове) провел в различных аспектах Ф. Михалк, который попытался дать количественную оценку немецкого влияния в области фонетики и фонологии. Исследование же языкового взаимодействия на уровне грамматики требует составления специальной программы и методики с тем, чтобы учесть все позиции, в которых оно проявляется.

Характер и степень немецкого влияния на серболужицкий язык различны в литературных формах и диалектах. Серболужицкие диалекты в большей степени, чем литературные языки, насыщены немецкими элементами. Это объясняется особенностями функционирования серболужицкого языка на территории со смешанным немецко=серболужицким населением.

Определенными особенностями обладает немецко=серболужицкая интерференция на разных этапах развития серболужицкого языка, что связано с изменениями языковой ситуации на территории распространения серболужицкого языка. Переход к двуязычию осуществлялся на разных территориях в разное время и был длительным процессом. Ускорение его связано с постепенным расширением и углублением немецко=серболужицких языковых контактов, особенно в XIII—XVI вв., когда происходили изменения в этнической структуре населения города и деревни в Лужице. Влияние на характер немецко=серболужицкой интерференции не могло не оказывать изменение в соотношении немецкого и серболужицкого языков с точки зрения их роли в коммуникации: от серболужицкого языка как основного разговорного языка (до конца XVIII в.) до серболужицкого языка, функционально ограниченного в применении, когда немецкий язык выступает в качестве основного средства коммуникации на территории распространения серболужицкого языка.

О конкретных результатах немецко=серболужицких языковых контактов в долитературный период развития серболужицкого языка можно судить по особенностям языка первых переводов

библейских текстов на серболужицкий язык с немецкого текста Библии М. Лутера или Вульгаты. Они дают определенное представление о влиянии немецкого языка на соответствующий диалект, так как сами они были основаны на местных диалектах и были свободны от стремления к "очищению" языка. Однако жанровый, церковный характер первых памятников серболужицкой письменности обуславливал и обращение переводчиков к той лексике, которая отсутствовала в устной речи носителей серболужицкого языка. Влияние немецкого текста на серболужицкий перевод сказалось не только в области лексики, но и в грамматике и синтаксисе. Следует учесть наблюдаемый иногда буквальный характер перевода и то обстоятельство, что немецкий язык для переводчика вне церковной практики оставался основным средством общения.

Среди лексических германизмов преобладают обозначения абстрактных понятий, связанных с религией, церковным обиходом, должностями; названия качеств, присущих человеку; названия растений, тканей, красок, некоторых действий и др. К грамматическим германизмам относится в первую очередь употребление указательного местоимения *tón, ta, to* и неопределенного местоимения *jedyn, jedna, jedne* в качестве определенного и неопределенного артиклей (особенно это характерно для народного языка, где это явление наблюдается и в настоящее время). О влиянии немецкого языка свидетельствует употребление личного местоимения *wón, wona, wone* в качестве субъекта безличного предложения (ср. нем. *es* в начале предложения), особенности в употреблении притяжательных местоимений, отрицательного местоимений *žadyn*, а также образования некоторых глагольных форм, в частности форм будущего времени и форм пассива.

Для XVII и XVIII вв. исследователи отмечают существенное различие между протестантским и католическим вариантами верхне-лужицкого письменного языка с точки зрения использования немецких заимствований: протестантская церковная литература оказывается более консервативной в языковом отношении, чем католическая, и влияние немецкого языка здесь более значи-

тельно, причем часть немецких заимствований проникала в католическую литературу из протестантской. Различной могла быть и судьба одного и того же заимствования в разных письменных вариантах.

До начала интенсивного развития светской литературы можно говорить о достаточно спокойном отношении образованных серболужицан к германизмам в серболужицком языке. Новый этап во взаимодействии немецкого и серболужицкого языков начинается в 40-х гг. XIX в., когда расширяются функции и сферы применения серболужицкого языка вместе с развитием периодической печати и светской литературы. Выработка норм литературного языка приводила к необходимости отбора лексических и грамматических средств, понятных любому носителю серболужицкого языка и не противоречащих особенностям родного языка. Совершенствование серболужицких литературных языков понималось как ограждение языка от чуждых влияний, как приближение к народной речи и языкам других славянских народов. Результаты действия пуристических тенденций особенно сильно проявились в области лексики. Пуризм до конца не был преодолен и в XX в.

Современные серболужицкие литературные языки характеризуются меньшим количеством заимствований из немецкого языка, чем серболужицкие диалекты. В современном нижнелужицком литературном языке заимствования из немецкого играют большую роль, чем в верхнелужицком.

I. Обзор литературы, посвященной немецко=серболужицкой интерференции в области диалектной морфологии, см.: М.И.Ермакова. Серболужицкая диалектная морфология в трудах сорабистов ГДР / Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1980. М., 1982. С.339-347.

В.К.Журавлев (Москва)

ОПЫТ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ. ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

I. Литературный язык — определенная совокупность текстов, объединенных общностью грамматической структуры и лексическо-

го фонда, и его социалема, языковой коллектив, выполняющий функции хранения, передачи и расширенного воспроизводства текстов.

2. История литературного языка – динамика объема и социально-этнического содержания его социалемы в тесной связи с динамикой объема и содержания его текстов.

Демократизация, интернационализация и интеллектуализация литературного языка, характер его народно-разговорной основы, сдвиг диалектной базы, либо социальной опоры, расширение его общественных функций – результат соответствующих изменений его социалемы. Борьба за место данного языка в школе – проявление заботы о расширенном воспроизводстве социалемы, способной воспринимать и воспроизводить тексты. Деградация литературного языка, падение его престижности есть проявление деградации, падение престижности его социалемы.

3. Формирование литературного языка – создание переводных или (и) оригинальных текстов, создание школы с целью формирования его социалемы.

4. В качестве модели – эталона исходной базы текстов могут служить произведение устного народного творчества своего народа, либо (и) переводы наиболее престижных текстов книжно-литературного языка, функционирующего в данном культурно-историческом ареале.

5. В качестве ведущих текстов на различных этапах истории литературного языка могут выступать тексты то религиозно-этического или административного, то художественно-эстетического, патристического, политического, публицистического, то научно-популярного, учебно-педагогического и научного содержания. В этом проявляются тенденции усиления связей данной социалемы со своим народом, либо со своим культурно-историческим ареалом или международным сообществом ученых и т.п.

6. Литературный язык формируется и развивается в определенных социальных и исторических условиях, в определенном социуме. Его социалема выражает общие и специфические интеле-

рест его сословий, классов и социально=этнических групп. Литературный язык является одним из компонентов языковой ситуации и постоянно взаимодействует с другими языковыми образованиями в социально=функциональном и материально=лингвистическом планах (своя народно=разговорная основа, свой народно=поэтический язык фольклора, некий книжно=литературный язык, сложившийся в иной социально=этнической среде, территориальные и социальные диалекты, городское просторечье, профессиональные жаргоны и т.п.).

7. В сферах материального производства преобладает диалогическая речь, менее кодифицированная, преодолевающая не только диалектные, но иногда и языковые барьеры. Бродячие ремесленники и торговцы, бытовая речь по цепочке от соседа к соседу могут обусловить некоторое сближение родственных и неродственных языков своей историко=этнографической зоны в языковой союз.

В сферах духовного производства функционирует литературный язык. На этой основе языки и народы объединяются в культурно=исторический ареал.

8. Культурно=исторический ареал - особый метасоциум, в рамках которого осуществляется взаимодействие народов и их языков в сфере духовной культуры на базе общности текстов, содержащих основные ценности интегрирующей части духовной культуры. Наиболее мощные культурно=исторические ареалы сложились в эпоху раннего средневековья на базе мировых религий (христианство, ислам, буддизм и индуизм), связавших свое существование с развитием книжных текстов.

9. Первоначально единый книжно=литературный язык обслуживал свой ареал (греческий, арабский, санскрит). Позже христианский ареал распался на западный (католики) и восточный со своими книжно=литературными языками (латынь, греческий, армянский, книжнославянский и др.). В процессе дивергенции литературных языков прежний основной язык передает им характер своего письма и графики (латиница и кириллица, арабское письмо и деванагари), лексико=семантический фонд культурного слоя словарного состава, стилистическую систему, изо-

образительные средства, номенклатуру личных имен и т.п.

10. Опыт истории свидетельствует, что в процессе национальной консолидации соотнесенность с определенным культурно-историческим ареалом играет большую роль, чем осознание языкового родства, общности народно-разговорной основы.

11. Процесс формирования нации сопровождается формированием национального литературного языка как важнейшего интегрирующего фактора, знамени в национально-освободительной борьбе. Социалемой национального языка становится национальная интеллигенция. Она возглавляет борьбу за место национального языка в литературе и школе, в национальном театре, разрабатывает историко-филологическую проблематику, создает учебники, словари и грамматики, заботится о социализации норм литературного языка среди членов своей нации.

12. Первостепенной задачей национальной школы является расширенное воспроизводство социалемы своего литературного языка, превращение его в культурное достояние каждого члена своей нации, максимальное расширение его функций и сфер обслуживания во всех областях культурно-просветительной, политической, административно-государственной и хозяйственно-экономической деятельности членов своей нации.

13. Забота о своем национальном языке и литературе, их социализации среди членов своей нации — компетенция самой нации. Она должна проявляться в заботе о своей творческой интеллигенции, о школе и об учителе. Нищета финансовая и духовная школы сегодня обусловит духовную, морально-этическую и хозяйственно-экономическую нищету всей нации в ближайшем будущем.

14. Судьба литературного языка теснейшим образом связана с динамикой объема и содержания текстов. Чем больше объем литературных текстов, содержащих национальные и общечеловеческие ценности, тем устойчивее структура данного языка. Люди дорожат им как своим культурным достоянием. Сохранение и увеличение культурных ценностей в текстах данного языка — основное условие его самосохранения и саморазвития. Национальный литературный язык — языковая среда обитания нации, важнейший фактор ее самосохранения и развития.

О ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
В БЕЛОРУССКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ

Среди белорусских и не только белорусских филологов распространено мнение о том, что формирование нового литературного языка в Белоруссии осуществлялось исключительно на народной основе, "без сохранения и продолжения стародавних письменных традиций"¹. Подобного рода утверждения, высказываемые также и некоторыми зарубежными славистами, сами по себе ставят под сомнение преемственность в многовековой истории белорусской словесности, вольно-невольно относя ее к числу младописьменных и тем самым запутывая вопрос о историко-типологических свойствах белорусской культуры, источниках и особенностях ее национального возрождения в новое и новейшее время².

Между тем белорусский писатель-классик и мыслитель М.Е.Богданович в знаменательном очерке "Белорусское возрождение" (1915), осмысливая историю отечественной литературы, культуры в целом как историю Возрождения - от древнерусского периода, затем начала собственно белорусской письменности в эпоху Великого княжества Литовского (летописи, хроники, деловая письменность, переводы Ф.Скорины, С.Будного, В.Тяпинского, "литовский" Статут и т.д.) до Ф.Богусевича и создателей="нашенинцев", консолидировавшихся вокруг первой легальной белорусской газеты "Наша Ніва" (1906-1915), сделал достаточно убедительный вывод: литература эта "никогда не замедляла окончательно... Линия ее жизни представляется непрерывной"³.

Среди создателей новой белорусской литературы, в известном смысле и национального литературного языка, Богданович не был исключением в кругу тех, кто в своих культурно-возрожденческих начинаниях испытал благотворное воздействие богатой старописьменной традиции - и идеально-романтическим образом (воспевая славное прошлое, "золотой век" национальной культуры, ее языка), и прямым заимствованием лексичес-

кого материале из старописьменных памятников. К тому же многие писатели, собиратели народного творчества выступали одновременно и в роли первых лексикографов, составителей словарей белорусского языка (Я.Чечот, П.Шпилевский, И.Носович, Ф.Богусевич, М.Горещкий, В.Ластовский и др.), отмечая как правило непрерывную внутреннюю, хотя временами и еле уловимую связь различных эпох в языковом творчестве народа.

Даже при беглом взгляде на стародавний языковой материал (конец XIV - начало XVIII вв.), отражаемый нынче в многотомном издании "Гістарычны слоўнік беларускай мовы" (вып. I-II, Минск, 1982-1991, слова на буквы А-З), нетрудно убедиться в обилии лексического состава, "перекочевавшего", видоизменяясь, из прошлого в современный литературный язык, прочно вписавшись в слово- и тропообразовательную систему художественного творчества: алтарь, бороніти, будовати, будучы, бусель, вабіти, вера, вечны, Великдзень, волока, золот, восень, веронны, вызволіти, вязень, говорка, гай, гневны, гортовате, господарь, грамада, гостинець, далибогь, дарунокь, доць, долонь, доля, дорослы, добродей, дужы, дяковати, жабракь, жалосны, жалобны, жнівс, жорны, жычливый, жыла, забороняны, забраны (например, у Янки Купалы: "Забраны край" клічуць устаць", - стихотворение "Забраны край", 1911-1912).

Не удивительно, что "лексическая" переключка эпох в белорусском языке не осталась незамеченной его первыми исследователями. В этом убеждает письмо профессора Виленского университета И.Н.Лобойко от 30 марта 1824 г. графу Н.П.Румянцеву, известному меценату в собираньи белорусских древностей: "Литовский статут сохранил еще и поныне ясные следы прежней гражданской жизни... Белорусский язык еще не истребим, на нем говорят и поныне проповеди по сельским церквам"⁴.

Почти столетие спустя В.У.Ластовский, один из крупнейших культурных деятелей-возрожденцев Беларуси, на страницах "Нашей Нивы" поделится наблюдением не менее красноречивым. Речь шла о старобелорусских летописях, опубликованных в XVII томе ПСРЛ (1907): "Авторы этих хроник "думали" по-бе-

лорусски и писали таким чистым и хорошим языком, что не один из современных наших писателей мог бы позавидовать красоте языка, отраженного в летописи автором, жившим тому лет 200-300⁵.

Таким образом, правомернее было бы ставить вопрос не о разрыве стародавней письменности и живой народной речи в формировании белорусского литературного языка, но лишь о пределах и специфике взаимодействия в данном процессе различных эпох и языковых стилей. Разумеется, с учетом всего комплекса факторов, которые обуславливали и, особенно, усложняли восхождение языка Богусевича-Купалы-Коласа к вершинам общественно-политического полноправия и эстетического совершенства.

Следовало бы также считаться еще с одним обстоятельством: с синкретичностью, незавершенностью белорусского национального возрождения, которое только к исходу XX в., кажется, обретает свое естественное русло, отныне не стесняемое искусственными преградами, не изуевичаемое репрессивным и административным произволом, от которого белорусский язык претерпел едва ли не больше любого другого славянского языка. При благоприятном, беспрепятственном продолжении и завершении национально-возрожденческого процесса все еще открытый вопрос о преемственности письменных традиций этого древнего и самобытного языка найдет свое окончательное, оптимальное разрешение. В пользу нашего тезиса говорят и недавно возвращенные в литературно-языковой обиход белорусов давно забытые, почитавшиеся было архаическим слова: пагоня, сладар, спадарства, сойм, рада, выбраніц, выбранецкі и т.д.

1. Жураўскі А. Беларуская мова // Эцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Т.1. Мінск, 1984. С.367.

2. См.: Кавко А.К. Францішак Скорина і беларуская літаратура XVI - пачатка XX в. Праблема преемственности. Мн., 1991. С.4.

3. Багдановіч М. Збор твораў у двух тамах. Т.2. Мінск, 1968. С.443.

4. Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки, ф.255, к.14, ед.хр.34.

5. Власт. Кроніка Вялікіх князёў літоўскіх // Наша Ніва, 1914, 5.XII, № 48.

О НАРОДНОМ ВЛИЯНИИ НА ЯЗЫК БОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ХУШ в.:
К ПРОБЛЕМЕ ВАРЬИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ БАЗЫ

1. В истории болгарского литературного языка ХУШ век, который датируется начало Болгарского Возрождения, занимает особое место. В этот период в болгарских землях сосуществуют и находятся в достаточно сложных отношениях (взаимодействие и конкуренция) ряд синхронно функционирующих письменно-литературных идиомов. Это и традиционный болгарский язык среднеболгарского типа (синтетический по своей структуре), и новый тип болгарского литературного языка, манифестированный различными видами книжного языка на народной основе (=новоболгарский) (КЯНО), а также церковнославянско-русский язык, оказывавший влияние на языковое сознание и конкретную практику отдельных книжников (не говоря уже о турецком - языке официальной администрации и греческом - языке официальной церкви и образования)¹.

Характерной особенностью развития самого КЯНО в ХУШ в., как показывают исследования Е.И.Деминной, является возникновение разновидностей письменного языка, по-своему реализующих тенденцию к демократизации литературно-письменного языка, тесно связанную с общим процессом демократизации культуры. Следствием подобного дивергентного развития КЯНО было появление многочисленных локальных его версий, отличающихся выбором диалектной базы и отношением к традиционному языку, что не способствовало укреплению стабильного узуса и широкому распространению и закреплению нормы, которая сложилась в ХУП в. в результате целенаправленной деятельности книжников - создателей первых новоболгарских дамаскинов².

2. Представляется, что проблема варьирования (=изменения) диалектной базы в различных письменно-книжных идиомах, принадлежащих КЯНО ХУП-ХУШ вв., может быть изучена в ходе параллельного рассмотрения совпадающих фрагментов текста одного из первых новоболгарских дамаскинов (так наз. I новоболгарский тип), в качестве типичного представителя которых

может быть взят "Тихонравовский дамаскии" (=Тх), и одного из поздних (так наз. IV новоболгарский тип), например, - "Свиштовский дамаскии" (1753 г.) (=Св). Полтора века, разделяющие время создания Тх и Св, позволяют разграничить и исследовать различные стадии и пути демократизации языка с опорой на народную речь. Очевидно принципиальное различие в самом подходе к феномену "народная речь". Так, Тх репрезентирует тот этап развития КЯНО, когда формирование нормы шло при ориентации на достаточно крупную коммуникативную единицу, реально существовавшую в XVII в. - "народно=разговорное койне (интердиалект)", на котором говорило население городов и близких к ним монастырей Ловечской епархии и в основе которого лежали говоры р-на Тетевен-Этрополе-Луковит³. Напротив, базой Св, на который впервые переведены некоторые произведения из сборника Дамаскиина Студита, а также сделаны переводы Слов, содержащихся уже в старших новоболгарских дамаскиинах, явились территориальные диалекты, составляющие часть северо=восточного наречия - "мизийские говоры". Вместе с тем Св обнаруживает тесную связь с дамаскиинами I новоболгарского типа (прежде всего на уровне влияния народного языка), но также - с "традиционным" языком.

Отражение в Св особенностей мизийских говоров изучалось Л.Милетичем ; сопоставление языка Тх и Св показывает своеобразие последнего, в частности, варьирование (и частичную смену) в нем диалектной базы. Так, в Св отмечается достаточно последовательная фиксация важных фонетических черт (сильная редукция - е>и, о>у и др., рефлекс дрб.ь как е - тенко, темница, желтица /и жалтица/, дрб.ъ, как е,ъ,и -дщере, дщарь, души и др., ѝа как ѝа, ѝе - христѝени и под.), характерных явлений морфологии (чл.форма о/т/ и под., формы наст.вр. глагола съм, ударение прилагательных и др.), лексики. Ср. /Тх/: мѝтѝ, (се) избѝавише, вратѝарете, пристѝанището, трѝг'ть, тѝсящници, соудѝа, ѝаремь, 'созвездие', пристѝавника, сидь, нѝрь (=пирг), съсѝде, сѝнници, сегѝа ~ /Св/: хришѝѝеть, (са) куртулисѝа, портѝарите, скѝлѝата, чершѝѝята (и чаршѝѝята), пѝше, кадѝа, супрѝгъ, кѝхѝята, доварѝ(дуварѝите), комшѝете,

чадърите, сегү . др.

Многие восточноболгарские диалектные черты представлены в обоих дамаскинах (рефлекс дрб. ЧРЬ как чрь/Тх/ и чер/Св/, иногда рефлекс дрб. А – как в /чедо, но и чадо/, мест. З. л. ед. ч. м. р. той, предлог камто, общность значительной части словаря). При этом в о д н и х с л у ч а я х лексическая вариативность, отраженная в Тх (часто – как следствие различий в языке составителей Слов групп тогази и тогава), утрачена в Св, что, вероятно, говорит о большей упорядоченности нормы в последнем. Ср./Тх/: найдох' се, щѣ да найде/намерв(Д.183) ~ /Св/: намернх' са, щѣ да намерн; /Тх/: чръво/коремать ~ /Св/: коремат; /Тх/: дикѣлы/мотика(Д.214) ~ /Св/: мутика; /Тх/: съсаше/сѹча(Д.225) ~ /Св/: сѹчеш; /Тх/: ботѹше/сапогн ~ /Св/: бутѹш; /Тх/: ар'мената/адрилата/вѹтрилата ~ /Св/: ветрилата; /Тх/: скръбѹ/грѣжа ~ /Св/: грѣжа, но также ѳна, ѳнаѳта, ѳньнѳа. В д р у г и х с л у ч а я х вариативность (чаще всего лексическая) присутствует в Тх и Св (возможно, с изменением частотности вариантов). Ср./Тх/: носѣте, нѣвѣ, нѣгата/кракѣта(Д.185) ~ /Св/: носѣте/кракѣ(та)(чаще); /Тх/: кладен'ць/вѣбѣль(Д.212) ~ /Св/: кладенець/вѣбѣль; /Тх/: тѣлѹ(то) тѣлото/снагѣта ~ /Св/: тѣлото/снагѣта; /Тх/: трѣ тѣсѹшь, тѣсѹша/хилѣдо, хилѣцаи ~ /Св/: тѣсѹшь, тѣсѹшь/хилѣцаи, хилѣцаи, хилѣцаи (чаще); /Тх/: корѣбѹ, корѣбе/гимѣа, гимѣата (реже) ~ /Св/: гимѣа, гимѣата/корѣботь (редко); также: /Тх/: камѣнь/камикъ(Д.197) ~ /Св/: камѣнь/камикъ; из фонетических вариантов: /Тх/: пѣть, пѣть, пѣть(Д.123) ~ /Св/: пѣть, пѣть (редко).

В Тх влияние традиционного болгарского литературного языка (болгаро-сербской редакции) значительно (ср. использование его в ряде Слов)⁴; в Св представлены отдельные формы и словосочетания: сожестъвное и священное евангеліе, грѣческаго царѣ, на обѣтованнѹю землю, светѣа светѣх, предлог ради и др.; многие из указанных примеров обнаруживаются и в Тх.

3. Сопоставление Тх и Св позволяет выявить такие различия между ними, которые оцениваются как результат р а з в и т и я системы болгарского языка в целом. Ср., например, сфе-

ру употребления членных форм /Св/: дружината си ~ /Тх/: дру-
жина, /Св/: от чловѣците ~ /Тх/: ѿ члѣвѣ, /Св/: при прозорциу-
/Тх/: на прозорѣць, /Св/: когѣ се потѣй сѣчкото ~ /Тх/: когѣ
се сѣч'ко потѣй и др.), кратких прилагательных (/Св/: дѣ-
волска ~ /Тх/: дѣвол'скаа, /Св/: голѣма ~ /Тх/: голѣмаѣ и др.).

4. В XIII в. осуществлялись и единичные опыты "писания на диалекте", доводящие линию "децентрализованного" развития КЯНО до некоторого логического предела (ср. "Бачковский дамаскин" и под.). Иной путь решения проблемы соотношения народного и традиционного языка (скорее в пользу последнего) представлен в сборнике переводов дамаскинов Иосифа Брататого (ср. определение его языка как "полуцерковно-славянского" - Б.Цонев), а также в произведениях болгарских книжников второй половины XIII в., которых относят к его "школе"⁵.

Обширный корпус текстов XIII в., реализующих различные виды болгарского книжного языка, позволяет всесторонне изучить влияние на него диалектных идиомов, функционировавших (и функционирующих ныне) в отдельных областях Болгарии.

1. Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XIII в. З. София, 1985, с.37 (=Д); Она же. Предвозрожденческий период в истории болгарского литературного языка // Болгарский литературный язык Предвозрожденческого периода. М., 1992. С.9.

2. Демина Е.И. Проблема предистории современного болгарского литературного языка // *Kształotowanie się powojuj...
jęzuka literackiego*. Wrocław, 1990, s. 42-46. ^{българского}

3. Демина Е.И. Тихонравовский... С.260.

4. Там же. С.262.

5. Там же. С.20-21.

Н.А.Кондрашов (Москва)

ПУРИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Русский литературный язык - явление исключительное как по длительности своего существования, так и по богатству выразительных возможностей. Он развивается без длительных пере-
рывов почти тысячелетие. Такой многовековой историей не обла-

дает ни один другой литературный язык славянских народов. В частности чешский литературный язык, своими истоками восходящий к XIII в., в XVII-XVIII вв. практически не использовался, и этот вынужденный разрыв в его истории наложил характерный отпечаток на новочешский литературный язык. Польский литературный язык, восходящий к XIV в., после золотого XVI в. польской литературы только в XIX в. стал вновь полноценным орудием польской культуры. И в связи с этим можно утверждать, что новая эпоха в развитии славянских литературных языков начинается в середине XIX в. Пути их дальнейшего развития становятся предметом горячей борьбы и оживленного обсуждения.

За столетие (1750-1850) возникают современные украинский, сербский, болгарский и белорусский литературные языки. В пределах Австрийской империи происходит становление новочешского литературного языка, возникают словенский, словацкий, хорватская разновидность единого сербско-хорватского литературного языка. Оживляется языковое творчество лужицких сербов. Только возникновение македонского литературного языка относится ко второй четверти нашего столетия.

Русский опыт решения проблемы "свое - чужое" в терминологической области стал руководящим началом для ряда новых литературных языков.

Пушкин верно отметил, что петровскими реформами "связи древнего порядка вещей были прерваны навеки"¹. XVIII в. называют веком переводов. Преобладали переводы с французского и немецкого, хотя и латынь сохраняла свои позиции. Философ Н. Поповский писал: "Всего досаднее то, что прочим наукам, из которых и не всякому могут быть полезны, всякий человек на своем языке обучиться может. Напротив того, у философии, которая предписывает общие пути и средства человеческому благополучию, никто не может потребовать совета, когда не научится по-латыни. Итак, какое философии бесчестье, а нам вред"².

С конца XVII в. в русский лексикон вошли такие слова, как материя, идеал, натура, феномен, форма, фигура, метод

и т.п. По словам В.Белинского, А.Кантемиру "прямее всех принадлежит честь усилия - найти в русском языке выражения для идей, понятий и предметов совершенно новой сферы"³. Ломоносов, в свою очередь, разрабатывал русскую научную терминологию, состоящую из корней родного языка, ср. земная ось, предложный падеж, кислота, удельный вес, преломление лучей, магнитная стрелка, закон движения, северное сияние, маятник, чертеж, опыт, наблюдение, явление, частицы.

Наиболее важным мероприятием в области русской лексикографии в XVIII в. было создание Словаря Академии Российской. При участии писателей и ученых из лексикона сознательно были исключены "все иностранные слова, введенные без нужды, и которыми равносильные славянские или российские находятсЯ"⁴.

Опыт русских просветителей и переводчиков в передаче новых понятий при помощи словообразовательных средств или готовых слов русского языка показал, в какой мере вообще следует заменять своими эквивалентами элементы международной терминологии. Указанная практика наиболее отчетливо проявилась в языковых рекомендациях А.С.Шишкова, языковом творчестве славянофилов (А.С.Хомякова и братьев Киреевских) и "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И.Даля.

В творческой лаборатории начала XIX в. этот процесс не был закончен. Это принципиально выразил Пушкин, когда писал: "Русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться общими играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует"⁵.

Пуристические замены способствовали практическому осуществлению славянской взаимности (хотя они проводились без единого плана), они усиливали продуктивные модели словообразования, они не были отягощены излишними ассоциативными связями, они обогащали русские слова в плане содержания. В.В.Виноградов это характеризовал следующим образом: "Поиски русских соответствий иностранным словам приводили к более глубокому пониманию значений и оттенков русских слов. Уста-

навливались национальные русские формы для выражения понятий, выработанных западноевропейскими языками"⁶.

История чешского пугизма освещалась неоднократно⁷. Знакомство И.Добровского с составителями Словаря Академии Российской и широкая ориентация И.Юнгмана в славистике оказали решающее влияние на лексику новочешского литературного языка в первой половине XIX в. В результате отталкивания от немецкой внутренней формы возникли чешские слова, обозначающие явления современной цивилизации: *poznatek*, *představa*, *pojem*, *soustava*, *věda*, *účel*, *výsledek*, *nápad*, *úvaha*, *výrok*, *divadlo* (театр), *hudba* (музыка), *nástroj* (инструмент), *plyn* (газ), *dějiny* (история), *dušík* (азот), *kyselina* (кислота), *mluvnice* (грамматика), *zeměpis* (география), *vražda* (word), *obchod* (Handel), *náměstí* (Rynek), *citlivka* (klimosa), *samohláska* (Selbstlaut) и мн.др.

1. Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII века. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. VIII. С. 121.

2. Речь, говоренная в начатии философических лекций... // Избранные произведения русских мыслителей 2-ой половины XVIII в. М., 1952. С. 90-91.

3. Белинский В.Г. ПСС. Т. 8: Портретная галлерея русских писателей. Кантемиар.

4. Предисловие к I-ому изд. Словаря Академии Российской. С. 21.

5. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова. Пушкин А.С. ПСС. Т. 7. С. 31.

6. Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Язык газеты. М.-Л., 1941. С. 261.

7. Weingart K. *Český jazyk v přítomnosti. Úvaha a podněty z jazykové terapie a kultury*. Praha, 1934. S. 22-36; *Slovanské spisovné jazyky v době přítomné*. Praha, 1971; *Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы*. М., 1983.

Г.А.Лилыч (С.-Петербург)

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПЕРЕПИСКЕ ЧЕШСКИХ БУДИТЕЛЕЙ

Переписка выдающихся деятелей чешского национального Возрождения - И.Добровского, И.Юнгмана, В.Ганки, Ф.Палацкого, П.И.Шафарика, Ф.Л.Челаковского, А.Марека, В.Камарита и др. дает ценный материал для изучения условий и характера

процессов, связанных с формированием литературного чешского языка нового времени. Корреспонденция будителей была одной из главных, а иногда и основной формой научного общения чешских патриотов=единомышленников; она в какой-то степени компенсировала остро ощущаемый недостаток научной и литературной периодики. Во взаимных дискуссиях, содержащихся в дружеской переписке будителей, выкристаллизовывалась общая программа подъема чешского литературного языка и распространения его в разных сферах культуры, науки, общественной жизни.

Корреспонденция будителей проливает свет и на отдельные конкретные вопросы языковой политики и развития литературного языка той эпохи. Так, например, в письмах Ф.Палацкого раскрывается его подход к созданию чешской терминологии филологии и эстетики; А.Марек советуется с Й.Юнгманом относительно терминологической системы логики и психологии; по переписке Ф.Л.Челаковского с В.Камаритом можно ясно представить себе состояние терминологической лексики, связанной с театром и т.д.

Большую ценность представляют сведения и оценки, касающиеся положения чешского языка в начале XIX в. Ср. опасения, высказанные Й.Юнгманом в письме А.Мареку (1820 г.) в связи с жестким цензурным контролем, которому подвергалось все, издаваемое на чешском языке: "Немечек (цензор чешских книг.— Г.Л.) Вашу Логику, наверно, жарит и парит; уже давно я с ним говорил с ней и убеждал, что там нет ничего против церкви и правительства, как и против добрых нравов, разве что он к дурным нравам отнесет неологизмы и архаизмы — тогда уж мы, конечно, окажемся безнравственными!"¹.

В переписке Йозефа Юнгмана младшего ("Йозефовича") с другими будителями ярко раскрывается роль его отца в развитии лексики чешского литературного языка. Так, в письме к Я.Колляру Юнгман младший сообщает ценнейшие сведения о редакторской работе своего отца: "Профессор Седлачек издает свою физику, об усовершенствовании которой, особенно в части названий, печется и отец; большой вклад он внес и в его геометрию, хотя об этом ни он, ни Седлачек никому не гово-

дят: иначе сразу стали бы кричать, что эти книги полны русских и польских слов"².

Интересные и малоизвестные факты, связанные с изучением чешскими будителями русского языка, в котором они видели источник обогащения чешского словарного состава, содержатся в переписке практически всех будителей. Характерно, что в личной переписке будителей получил некоторое распространение обычай прибегать к русской транслитерации, когда были опасения, что письмо может быть подвергнуто цензуре австрийской полиции. Ср., например, предложение, написанное кириллицей, из письма Й.Джгмана Я.Коллару от 23 мая 1822 г.: "По поштѣ напиште ничего, цобы се выкладати могло двоисмыслнѣ, неботь слышимъ же отвираю псание" (По почте не пишите ничего, что могло бы быть истолковано двусмысленно, так как, по слухам, письма открывают)³. Обычай использовать в письмах русскую азбуку имел, вероятно, и более широкий смысл: он был как бы знаком причастности к кругу единомышленников=патриотов, приверженных идее славянского братства.

1. Časopis Českého musea. Praha, 1882. S. 464.

2. Jungmann J. Korrespondence. Praha, 1956. S. 75.

3. Časopis Českého musea. Praha, 1880. S. 48.

К.В.Лифанов (Москва)

ГЕНЕЗИС И СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА

Проблема кодификации словацкого литературного языка, осуществленной в 80-е годы XVIII в. А.Бернолаком и в 40-е годы XIX в. Л.Штуром, уже довольно длительное время находится в центре внимания историков словацкого языка. В настоящее время признанным является тот факт, что деятели словацкого возрождения кодифицировали словеский литературный язык не на базе каких-либо диалектов словацкого языка, а на основе так называемых "культурных интердиалектов", сформировавшихся в XVI-XIX вв. Таким образом, вопрос о национальных образованиях применительно к словацкому литератур-

ному языку является ключевым, заслуживающим самого серьезного изучения.

История словацкого языка известно несколько наддиалектных образований. Нас интересуют прежде всего наддиалектные образования, возникшие на территории Западной и Средней Словакии и оказавшие непосредственное влияние на развитие и характер словацкого литературного языка.

Наддиалектное образование, легшее в основу кодификации А.Бернолака (так называемый "культурный западнословацкий интердиалект") начинает складываться в XVI веке. В это время существенно возрастает роль трнавского городского койне, так как Трнава становится культурным центром Западной Словакии. Кроме того, по сравнению с другими городами Словакии этот город отличался значительным преобладанием словацкого населения.

Особенностью генезиса так называемого "западнословацкого культурного интердиалекта" явилось сложное взаимодействие трнавского городского койне с чешским литературным языком того времени, поэтому на первом этапе формирования среди собственно словацких языковых элементов в нем превалировали черты трнавского говора. На более поздних этапах, однако, в процесс взаимодействия включаются и другие западнословацкие и даже среднесловацкие говоры. Эти явления были связаны как с его распространением за пределами трнавского региона, так и с процессами междиалектного взаимодействия, связанного с процессами нивелировки локальных западнословацких диалектных особенностей, а также с экспансией среднесловацкого диалекта. При этом чешский литературный язык зачастую играл роль своеобразного фильтра и "помогал отбирать" языковые формы из достаточно большого числа генетически разнородных элементов. Распространение данного наддиалектного образования за пределами трнавского региона привело к возникновению его региональных вариантов, а междиалектное взаимодействие - к появлению в структурах этих вариантов инодиалектных вкраплений. Таким образом, возникнув на трнавской почве, данное наддиалектное образование приобретает общезападнословацкий характер, проявляя тенденцию стать общесловацким средством ком-

муниции в определенных типах текстов. Основными сферами его функционирования являлись деловое письмо, административно-правовые документы, частная корреспонденция, а в художественной литературе — главным образом поэзия: светская, героическая, дидактическая и т.д. Среди наиболее значительных произведений, написанных на "западнословацком культурном интердиалекте", отметим "Словацкие стихи" П.Беницкого (трнавский вариант), поэтическое произведение "Образ прекрасной госпожи, нарисованный пером" Ш.Ф.Селецкого (загорский вариант), "Валашская школа..." Г.Гавловича (тренчинский вариант). Наиболее значительным памятником художественной прозы, написанном на "западнословацком культурном интердиалекте", является первый словацкий роман Й.И.Байзы.

Совершенно иначе формировалось особое наддиалектное образование на территории Средней Словакии. Здесь не было значительного культурного центра, вокруг которого могло бы сложиться наддиалектное образование, подобное западнословацкому. В этой части Словакии формируется фольклорное койне, базой которого становятся северные среднесловацкие говоры. В результате нивелировки языковых особенностей этих говоров появляется особое языковое образование, представленное в произведениях устного народного творчества, и прежде всего — в народных песнях. Данное языковое образование называется чрезвычайно экспансивным, вытесняя локальные диалектные особенности из языка народных песен южного среднесловацкого происхождения. Более того, особенности северных среднесловацких говоров широко представлены и в народных песнях западнословацкого происхождения, что убедительно демонстрируют "Национальные песни" Я.Коллара. Вместе с тем, они практически отсутствуют в языке народных восточнословацких песен. Известны также случаи, когда авторы поэтических произведений, стилизованных под народную поэзию, создавали свои произведения на данном наддиалектном образовании. Эти факты свидетельствуют о перерастании фольклорного койне в фольклорно-поэтическое, известное практически на всей территории Словакии, включая Восточную Словакию.

Таким образом, будучи известными во всех регионах Словакии, "культурные интердиалекты" могут называться западно-словацким и среднесловацким в значительной степени условно. Основное различие между ними заключается не в их территориальном распространении, а в их генезисе и сферах функционирования.

В.Е.Моисеевко (Львов)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В свое время Платон Кулаковский подметил, что все без исключения идеи и инициативы культурно-языкового объединения западных и южных славян под лозунгами той или иной славянской доктрины, равно как и предпринимаемые с XVI в. и особенно в XIX в. попытки создания "общеславянского" языка, всегда исходили от славян Австрийской империи, хотя инспирировались они нередко извне¹.

В 30-70-е годы XIX в. у славянских народов Австрийской монархии, чехов и словаков, сербов, хорватов, словенцев, галицких украинцев и других, наряду с иными важнейшими явлениями социальной и культурной жизни, протекает начальный, наиболее трудный и ответственный этап формирования общенациональных литературных языков, происходит интенсивный процесс их нормализации и кодификации. Накануне событий 1846-1849 гг. у австрийских славян, не имеющих в составе многонационального государства Габсбургов даже автономии, родной язык как "зеркало души народа", как первоэлемент, объединяющий нацию, выдвигается на передний план, становится важнейшей составной частью и орудием национального культурного процесса, основным признаком национальной самостоятельности. В этот период имеет место ситуация, когда, говоря словами Р.Якобсона, "языковой критерий становится единственным и необходимым критерием славяности"².

Вместе с тем это также уникальный период очень тесных культурно-языковых контактов в этой части славянского мира, который характеризуется многими коллективными реализациями

в области культурно-языкового строительства, не утратившими своего значения и в наши дни.

Имеющийся немалый опыт изучения истории отдельных славянских литературных языков, исследования результатов межславянских языковых контактов разных эпох, в том числе в эпоху национального возрождения славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы, предоставляет уже сегодня возможность комплексного описания процесса и результатов межславянского культурно-языкового взаимодействия во всем многообразии комбинаций двух- и многосторонних контактов, например, чешско-хорватско-словенско-сербских, чешско-западно-украинских, болгарско-сербских, хорватско-словенских и т.д.

Опираясь на существующую традиционную методiku исследования взаимодействия славянских литературных языков, которая требует в значительной мере филологического изучения, нежели сравнительно-исторического, необходимо также как можно шире привлекать и использовать методiku и материал других дисциплин и разделов наук гуманитарного цикла. В частности, в многокомпонентных, насыщенных детальным фактическим материалом исследованиях, о которых здесь идет речь, хорошо зарекомендовали себя уже апробированные методы диахронической социолингвистики (сравнительно-исторического и историко-типологического характера). Именно социальная лингвистика, схватывая собственно языковедческую проблематику, а также мотивирующие ее социальные дистрибуты, способна объяснить многочисленные коллизии и связи, сопутствующие процессу межязыкового взаимодействия.

В понятийном аппарате подобных исследований весьма продуктивным является использование трансформированных применительно к конкретным условиям и материалу социолингвистических категорий. Например, наблюдения показывают целесообразность широкого использования такой социолингвистической категории, как "культурно-исторический ареал".

Несколько видоизменив и сузив рамки этого емкого понятия, применительно к теме межславянского культурно-языкового взаимодействия в рамках Австрийского государства мы выде-

лили рабочую социолингвистическую универсалию, назвав ее "австрославянский культурно-исторический субареал". Тематически и хронологически она связана с реалиями и фактами культурно-языкового взаимодействия славянских народов на территории Габсбургской монархии в эпоху национального возрождения славян. По нашим представлениям, австрославянский культурно-исторический субареал — это своеобразный пространственно-временной континуум генетически родственных славянских языков, который сформировался в пределах австрийской государственности к середине 30-х годов XIX в. на основе широко понимаемой идеи славянской взаимности, а в последующие десятилетия того же столетия трансформировался под воздействием иных (обще)славянских доктрин — панславизма, влиризма, австрославизма, югославизма, монославянского сепаратизма, панмалорусизма и т.д.

Использование этой универсальной категории позволяет учитывать воздействие внутриязыковых факторов, вызванных к действию самой структурой языка, внешелингвистических моментов как результата контактирования разных языковых структур, а также многочисленных внелингвистических факторов, находящихся за пределами лингвистики, но влияющих как на отдельные языковые уровни, так и на систему языка в целом.

Введение в научный оборот новых универсальных категорий представляется оправданным, так как представляет возможность расширить рамки наших представлений о взаимодействии внутри славянского языкового мира на одном из наиболее важных и продуктивных этапов его эволюции, помогает определить место отдельных славянских общенациональных литературных языков в европейском и мировом культурно-языковом взаимодействии.

1. Кулаковский П.А. Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян // Мефодиевский юбилейный сборник. Варшава, 1885. С.127.

2. Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С.62-63.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ ЯЗЫКОВОЙ ЭСТЕТИКИ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Развитие литературного языка является результирующей не только действия имманентных внутриязыковых закономерностей. Важную роль в этом процессе играет "руководящая" деятельность кодификаторов.

2. В задачи кодификаторов входит не только по возможности более объективное описание реального состояния литературного языка как феномена, его нормы, тенденций употребления, но и научное изучение языковой и этнолингвистической ситуации, выработка прогностических рекомендаций.

3. Эпоха национального Возрождения представляет собой исключительно ценный объект для наблюдения динамики развития литературного языка, сопоставительного изучения различных моделей формирования новых литературных языков. Спектр реальных возможностей здесь охватывает формирование нового литературного языка как на народной (т.е. диалектной) основе, так и на некоей интегрированной основе в виде городского койне. В последнем случае это язык культурного, административно-политического и экономического центра, являющегося своего рода очагом языковой и цивилизационной иррадиации. Особый интерес в этом случае представляет чешская модель, когда в единоборстве регионалистических и традиционалистических тенденций в конечном итоге победила последняя, приведшая к возрождению (впрочем, в модифицированном виде) литературного языка XVI в., отличающегося развитой функциональной дифференциацией, длительной культурной традицией. Подобное решение вопроса предопределило в будущем возникновение конфликтных, полных драматизма ситуаций в сфере языковой политики.

4. Понимая под языковой политикой деятельность, направленную на оптимизацию языковой коммуникации в этносе, мы и предпринимаем попытку рассмотреть под этим углом зрения деятельность языковедов, сказавших существенное влияние на раз-

витие чешского литературного языка как раннего, так и позднего Возрождения, способствовавших оптимизации использования литературного диалекта.

5. Новый литературный чешский язык (т.е. с конца XVIII в.), находится, как уже отмечалось, в тесной преемственности к литературному языку XVI в. Вполне естественно, однако, что этот язык не мог не подвергнуться конкретно-исторической адаптации. Важную роль в этом процессе играли не только современные коммуникативные потребности чешского этноса, но и господствующие концепции языковой и культурной эстетики. Для раннего периода, т.е. конца XVIII – первой половины XIX в., это проявлялось в выраженном отталкивании от разговорной стилистики, языка улицы, в противопоставлении языка поэтического и языка простонародного. Следствием этого было, в частности, интенсивное разрастание поэтической, зачастую весьма архаизированной синонимии. К середине XIX в. наметилась существенная переориентация языковой эстетики, выразившаяся в большем сближении с народной речью.

6. Новый поворот наметился в формировании концепции так называемого "хорошего автора", оказавшей огромное влияние на направленность кодификаторской деятельности в области культивирования чешского литературного языка.

7. Существенное изменение в переориентации кодификаторской практики отмечается во второй половине XX в., ознаменовавшейся мощным вторжением разговорной стилистики, повлекшей за собой и пересмотр действующих Правил чешского литературного языка (1993 г.).

О.С.Плотникова (Москва)

ИДЕИ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ И КОДИФИКАЦИЯ СЛОВЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВО 2-ой ПОЛОВИНЕ XIX в.

Сложность современной языковой ситуации в Словении (искусственный характер норм современного литературного языка и активное функционирование региональных разговорных разновидностей) во многом объясняется теми процессами, которые

переживал словенский язык во 2-ой половине XIX в.

В I-ой половине XIX в. успешно функционировала центрально-словенская модель литературного языка, нормы которой, восходящие к языку словенской книжности XVI в., эволюционировали в предшествующие периоды истории литературного языка вместе с эволюцией самого языка. Именно на этой модели языка писал знаменитый Франце Прешерн. Она была также широко представлена в словенской периодике того времени. Опираясь в обобщенном виде на особенности центральных словенских диалектов, эта модель языка в какой-то мере носила интердиалектный характер, поскольку ее нормы не включали ярко выраженных диалектных черт.

Смена норм литературного языка во 2-ой половине XIX в. была обусловлена в первую очередь не внутриязыковой ситуацией, а общественно-политической обстановкой в словенских землях Австро-Венгерской монархии до и после революции 1848 г.¹

Идеи иллиризма и славянской взаимности нашли благодатную почву в кругах молодой словенской интеллигенции в пограничных словенских регионах (в Штирии и Каринтии), что было связано, с одной стороны, с наибольшей опасностью германизации именно в этих областях, с другой, с неудовлетворенностью штирийцев и каринтийцев нормами литературного языка Центральной Словении (Крайны).

Позиция первого словенского иллирийца Станко Врза тесно связана с идеями Яна Коллара о четырех главных славянских языках (русском, польском, чешском и иллирийском). При этом Враз под иллирийским понимал штокарский вариант хорватского языка². В работах Матии Маяра Зильского эти идеи приобретают качественно новое наполнение. Иллирийский, или общеславянский язык Маяра, строящийся на широкой южнославянской основе, включает в себя и много словенских элементов, по мнению Маяра, этимологически более правильных³.

Поиски новой модели словенского литературного языка в 40-50-х годах проходили в нескольких направлениях:

I. Отказ от национальных литературно-письменных тради-

ций и принятие в качестве литературного одного из других славянских языков: а) хорватского (Станко Враз и его последователи); б) чешского (Иван Мацун); в) русского (Петер Хиндигер и др.); г) старославянского (Орослав Цаф и др.).

2. Создание искусственного языка на базе южнославянских языков (Матия Матр).

3. Принятие в качестве литературного одного из словенских диалектов, представляющих собой переходную зону от словенского языка к хорватскому: а) белокрайнского (Юрий Кобе); б) приморского (Иван Мацун).

Против отказа от национального словенского языка в качестве литературного решительно выступают крупнейшие писатели и ученые, например, Франце Прешерн, Фран Миклошич, Ян Блейвейс, Матия Чоп и др. Постепенно идея славянской интеграции трансформируется в идею словенской интеграции на базе единого для всех словенских земель литературного языка⁴.

В качестве основы общесловенского литературного языка берется уже апробированная на протяжении трех столетий центрально-словенская (крайнская) модель языка, однако отдельные ее нормы, отражающие гореньско-доленьские инновации, но противоречащие языковой системе более архаичных в своем развитии штирийских и каринтийских диалектов, пересматриваются.

Новые нормы вырабатывают в процессе перевода на словенский язык Кодекса законов (Državni zakonik) Матевж Цигале, Франце Ериша и Лука Светец. В 1849 г. в газете "Словения" публикуется ряд статей с перечислением новых форм (в частности, статья Светеца "Новые формы"). Часть из этих форм в феврале 1851 г. вводится в школы в качестве обязательных. В 1849 г. осуществляется реформа графики, бохоричица заменяется гаицей (вместо диграфов для обозначения шипящих стали употребляться надстрочные знаки).

В результате кодификации в словенском литературном языке произошли следующие изменения в графике, фонетике и морфологии:

1) устранены формы с отражением редукции гласных (ба

вместо *de, raz.* вместо *rez=, prijatelj* вместо *perjatelj* и др.);

2) доленьское *ě* заменено на гореньское *ěš*;

3) введены новые флексии в склонении сущ. м., ср. рода (Тв. ед. ч. *-om/-em* вместо *-am* и Дат., Тв. дв. ч. *-oma/-ema* вместо *-ama*);

4) изменено словоизменение прилагательных (флексии *-ega* вместо *-iga* и др., *lerěi, lerěe, lerěa* вместо *lerěi*);

5) частица и приставка *paž* заменены на *paž*.

Идеи славянской взаимности не только повлияли на выбор новых норм словенского литературного языка, но и нашли свое отражение в книжно=письменной практике 2=ой половины XIX в. Одно из направлений искусственной славизации словенского языка представлено в произведениях видного писателя того времени Франа Левстика, который часто использовал архаизмы и старославянизмы. Второе направление, проистекающее из идеи иллиризма, широко представлено в словенской периодике 50-80=x годов, где отмечаются элементы сербохорватского языка⁵.

Тенденции к искусственной славизации словенского языка наблюдаются и в словенской прозе 2=ой половины XIX в., где отмечается частое употребление ставших непродуктивными еще в предшествующие периоды истории словенского языка форм плюсквамперфекта и дееспричастий прошедшего времени (*velevši, privedši*). Активизируется также употребление форм несовершенного вида для выражения функций, выполняемых уже в XVI в. формами совершенного вида, например, настоящего узуального и повторяющегося действия. В этот период происходят также некоторые сдвиги в глагольном видообразовании, снижается частотность продуктивного суффикса *-ova=* за счет увеличения количества имперфективов, образованных по более архаичным моделям.

I. Об общественно=политических течениях в Словении в этот период см.: Чуркина И.В. Словенское национально=освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978.

2. См.: *Prijatelj I. Borba za individualnost slovenskega književnega jezika v letih 1848-1857*. Ljubljana, 1937. S. 34-35.

3. Majer A. Pravila kako izobraževati ilirsko narečje
1 obče slovenski jezik. Ljubljana, S. 10-24.
4. О борьбе за единый словенский язык см.: Prijatelj I. Указ соч.; Толстой Н.И. О последней попытке применения "общеславянской азбуки" к словенскому литературному языку // Проблемы современной филологии. М., 1965; Toporišič J. Slovenski jezik, kakor so ga videli tisti, ki so o njem razmišljali // Jezikovni pogovori. Knj. 2., Ljubljana 1967.
5. См.: Dular J. Slavizacija v oblikoslovju in skladnji publicističnih besedil v drugi polovici XIX. stoletja // XI. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1975.

Л.П. Рупосова (Москва)

РУССКО-СЛОВАЦКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ КОНЦА XVIII - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX вв.

XVIII в. - эпоха функционирования региональных вариантов словацкого культурного языка, которые в благоприятных условиях могли бы выступить в качестве базы при нормализации и кодификации литературного языка. В это время сферу "городской" культуры обслуживали латинский, немецкий и чешский языки, а немецкий язык был объявлен единым государственным языком в Австрийской империи. Национальный момент, т.е. идея самостоятельности словацкой нации, закон о начальном образовании на родном языке, осознание особого пути развития словацкого языка, отличающегося от чешского, - все это привело деятелей словацкого национального возрождения к необходимости создать литературный язык "в интересах народа", опираясь на опыт предшественников в использовании языка словацкой народности в сочинениях высокого стиля и в переводе Библии. Идея принадлежности словаков к великому славянскому народу, отождествление славян и словаков, словацкого и "славянского" языков неизбежно вела к изучению собственного исторического прошлого и прошлого славянства в целом, устного народного творчества, традиций. В отличие от чешского национального возрождения, протекавшего в направлении от изучения родного языка и истории к проблемам славянской письменности и культуры, словацкие реформаторы шли от осознания единого славянского мира и языка к вопросам формирования словацкой нации и

ее языка, "чистого" неиспорченного в его среднем положении среди других славянских. Борьба вокруг литературного языка выдвинула на первый план проблемы соотношения разговорной речи и "культурного" языка, письменной традиции и практики, удельного веса разных структурных и выразительных средств.

В 20-е-30-е годы XIX в. в словацком национальном возрождении начинается второй период, когда словаки от осознания своей народной индивидуальности приходят к формированию в самостоятельную нацию под руководством интеллигенции и буржуазии. Решающую роль в национальном движении в это время играет борьба за народные институты, культуру и язык. Бернолаковщина, основанная на западнословацком койне, утрачивает свое значение, не получив распространения на всей территории Словакии, и становится языком католической части словацкого общества. Протестанты, не приняв бернолаковщину, пользуются чешским литературным языком со словацкими и инославянскими элементами. Языковой дуализм в условиях усилившейся мадьяризации словацкого населения представлял опасность для существования словацкой нации. Поэтому как сторонники бернолаковского направления, так и представители чехословацкой ориентации ищут опору в расширении и интеллектуализации лексического запаса как путем словообразования, так и заимствования из других языков. Важная роль в славянском возрождении отводится русскому народу и в самоопределении новых славянских языков - русскому языку.

А.Бернолак стремился как можно шире использовать словообразовательные возможности словацкого языка. В его словаре приводятся все формы, включая никогда не существовавшие, которые не противоречат нормам западнословацкого койне. Основным источником заимствований для бернолаковцев был чешский язык. При этом учитывалась и языковая практика чешских будителей, активно прибегавших к заимствованиям из русского языка. Популярность русского языка в Словакии особенно возросла после 1798-1799 гг., 1805 и 1813 гг., когда русская армия пребывала в Чехии и Словакии. В это время издаются учебные

пособия для практического изучения русского языка. Но решающее значение сыграло развитие славяноведения и русофильская ориентация словацкой интеллигенции. Уже Я.Геркель, создатель всеславянского алфавита, подчеркивал сходство русского и словацкого языков, имеющих слогаобразующие гласные в отличие от чешских слогаобразующих согласных. П.И.Шафарик предлагал Геркелю ввести в алфавит русские буквы Ж, Ш, Ч. Сам Шафарик был убежден в целесообразности использования в качестве всеславянской азбуки кириллического алфавита, но с количественными знаками. В "Истории славянского языка и литературы" Шафарика русским литературным языком называется великорусское наречие (Москва и ее окрестности) с множеством старославянизмов с абстрактным значением. Вслед за М.В.Ломоносовым названы диалекты русского языка: суздальский, олонекский. Начальный период формирования русского литературного языка отнесен к эпохе Петра I, когда собственно русские элементы в нем активизировались, а старославянские получили функциональное ограничение.

Я.Коллар теоретически обосновывает необходимость заимствования лексем из русского и других славянских языков в целях замены неславянских "чужовиц" или слов со слогаобразующими согласными, не обладающих благозвучностью. Больше внимание он уделяет совпадению морфологического состава производных в русском и словацком и соотношению отдельных грамматических форм в двух языках. Это служит возвышению словацкого языка в общем чехословацком. Коллар осознает, что славянские народы не откажутся "из-за эгоизма" от традиционных для своих языков форм и слов, но призывает сохранить в общеславянском языке такие элементы, которые понятны каждому славянину.

Непосредственно заимствования из русского языка в словацкий приходят в девяностые годы XVIII в. Это лексемы *slovár*, *letopis*, употребленные А.Бернолаком, Я.Байзой, Я.Голлым и другими авторами. В грамматике Бернолака (1790 г.) отмечен русизм *bukvár* не включенный в его словарь.

В произведениях Коллара русизмы используются в поэти-

ее языка, "чистого" неиспорченного в его срединном положении среди других славянских. Борьба вокруг литературного языка выдвинула на первый план проблемы соотношения разговорной речи и "культурного" языка, письменной традиции и практики, удельного веса разных структурных и выразительных средств.

В 20-е-30-е годы XIX в. в словацком национальном возрождении начинается второй период, когда словаки от осознания своей народной индивидуальности приходят к формированию в самостоятельную нацию под руководством интеллигенции и буржуазии. Решающую роль в национальном движении в это время играет борьба за народные институты, культуру и язык. Бернолаковщина, основанная на западнословацком койне, утрачивает свое значение, не получив распространения на всей территории Словакии, и становится языком католической части словацкого общества. Протестанты, не приняв бернолаковщину, пользуются чешским литературным языком со словацкими и инославянскими элементами. Языковой дуализм в условиях усилившейся мадьяризации словацкого населения представлял опасность для существования словацкой нации. Поэтому как сторонники бернолаковского направления, так и представители чехословацкой ориентации ищут опору в расширении и интеллектуализации лексического запаса как путем словообразования, так и заимствования из других языков. Важная роль в славянском возрождении отводится русскому народу и в самоопределении новых славянских языков - русскому языку.

А.Бернолак стремился как можно шире использовать словообразовательные возможности словацкого языка. В его словаре приводятся все формы, включая никогда не существовавшие, которые не противостоят нормам западнословацкого койне. Основным источником заимствований для бернолаковцев был чешский язык. При этом учитывалась и языковая практика чешских будителей, активно прибегавших к заимствованиям из русского языка. Популярность русского языка в Словакии особенно возросла после 1798-1799 гг., 1805 и 1813 гг., когда русская армия пребывала в Чехии и Словакии. В это время издаются учебные

пособия для практического изучения русского языка. Но решающее значение сыграло развитие славяноведения и русофильская ориентация словацкой интеллигенции. Уже Я.Геркель, создатель всеславянского алфавита, подчеркивал сходство русского и словацкого языков, имеющих слогаобразующие гласные в отличие от чешских слогаобразующих согласных. П.И.Шафарик предлагал Геркелю ввести в алфавит русские буквы Ж, Ш, Ч. Сам Шафарик был убежден в целесообразности использования в качестве всеславянской азбуки кириллического алфавита, но с количественными знаками. В "Истории славянского языка и литературы" Шафарика русским литературным языком называется великорусское наречие (Москва и ее окрестности) с множеством старославянизмов с абстрактным значением. Вслед за М.В.Ломоносовым названы диалекты русского языка: суздальский, олонекский. Начальный период формирования русского литературного языка отнесен к эпохе Петра I, когда собственно русские элементы в нем активизировались, а старославянские получили функциональное ограничение.

Я.Коллар теоретически обосновывает необходимость заимствования лексем из русского и других славянских языков в целях замены неславянских "чужовиц" или слов со слогаобрезающими согласными, не обладающих благозвучностью. Больше внимание он уделяет совпадению морфологического состава производных в русском и словацком и соотношению отдельных грамматических форм в двух языках. Это служит возвышению словацкого языка в общем чехословацком. Коллар осознает, что славянские народы не откажутся "из-за эгоизма" от традиционных для своих языков форм и слов, но призывает сохранить в общеславянском языке такие элементы, которые понятны каждому славянину.

Непосредственно заимствования из русского языка в словацкий приходят в девяностые годы XVIII в. Это лексемы *slovár*, *letopis*, употребленные А.Бернолаком, Я.Байзой, Я.Голлым и другими авторами. В грамматике Бернолака (1790 г.) отмечен русизм *bukvár* не включенный в его словарь.

В произведениях Коллара русизмы используются в поэти-

бенкой, В.Нарежным, он частично вводил оригинальные украинские слова, частично же их русифицировал с тем, чтобы текст отражал украинскую спец. лексику и вместе с тем оставался понятным русскому читателю. Со временем эта манера исчезает почти совершенно: каждый украинизм сопровождается переводом, например: стол обыкновенной величины и фигуры, покрыт неважным килымом (ковром) (IV, 245).

6. Говоря об использовании Т.Шевченко разнообразной русской лексики, как своей, так и заимствованной, нельзя не отметить и его склонности к созданию окказионализмов в соответствии с прозрачными словообразовательными моделями: мелкопоместные и крупноречивые соседки, съедобное и спитобное, снутешествовать и т.п.

7. Следует отметить, что Т.Шевченко очень широко использует имена и фамилии известных деятелей мировой культуры. Только в четвертом дополнении ко II тому "Словаря языка русских произведений Шевченко" зафиксировано около 2 тыс. антропонимических лексем; среди них преобладают имена, фамилии, отчества исторических и современных писателей личностей. Широко используется в повестях и топонимический материал.

В.М.Свежинский (Минск)

ПРЕДИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НОВОГО ПЕРИОДА

В силу различных языковых факторов белорусский литературный язык прошел в своем становлении сложный и драматический путь. Периоды расцвета сменялись у него периодами упадка. Временами часть его функций переходила к другим языкам, утрачивались некоторые формы существования, в результате чего из центра социально-коммуникативной системы он перемещался на ее периферию. С наступлением благоприятных условий процесс приобретал обратное направление.

Так, например, в эпоху Великого княжества Литовского белорусский язык, будучи исконным средством общения прежде всего в среде преобладающего коренного населения, стал государ-

ственным. Не нем издавались кодексы законов, велось официальное делопроизводство. В силу этого он стал средством межэтнического общения в государстве. Под влиянием идей Реформации (Скорина, Будный, Тяпинский) он стал приобретать весьма важную, новую для себя функцию — идеологическую, все более настойчиво проникая в сферу церковного обихода. Происходит его литературная обработка. Он все более избавляется от излишней книжности.

Однако политическая обстановка, которая сложилась на белорусских землях в результате сначала заключения Люблинской государственной унии, затем трех разделов Польши привела к неблагоприятному для белорусского языка изменению языковой ситуации. Он утратил сначала государственную функцию, затем главнейшую для существования любого языка литературную форму. Такое изменение языковой ситуации привело к тому, что в XIII в. белорусский язык сохранялся уже только в устной форме как средство общения коренного населения, а также как язык устного народного творчества.

Поскольку в сфере литературно-письменной произошел разрыв традиций, изменилась сама нормативная основа. Белорусский литературно-письменный язык древнего периода в силу своей традиционности недостаточно отражал особенности живой народной речи. В новом белорусском языке, начавшем складываться в конце XVIII ст. (школьные интермедии), уже не отмечены именно эти традиционные элементы (безударные о, е, сочетания д, т с гласными переднего ряда, причастие на =дь в форме перфекта и употребление последней с глаголом-связкой вми и др.). Нормой же стали именно элементы живой речи, которые в древних рукописях и книгах отразились только спорадически (за исключением текстов, написанных иными, помимо кириллицы, системами письма — латинской, арабской). Это аканье=яканье, дзеканье=цеканье, причастие на =вь в форме перфекта и отсутствие в ней глагола-связки и др.

Эти существенные противопоставления норм старого и нового белорусского языка и позволяют говорить о них как о разных исторических формах. Тем самым история языка бело-

русского народа коренным образом отличается от истории некоторых других славянских языков, где не произошло разрыва между старой и новой литературно-письменными традициями. Наличие же такого разрыва в истории белорусского языка сильно отразилось на формировании системы стилей, где противопоставление "книжный-разговорный" получило совсем иное выражение, чем в языках без разрыва традиций. Главная специфика этого выражения в том, что для белорусского книжного стиля не характерны церковнославянизмы в такой мере, как для русского и украинского.

Д.Н.Смирнов (Москва)

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

I. Процессы становления и развития современных славянских наций, относящиеся к периоду конца XVIII в. - второй половины XIX в., составляют стержневое содержание эпохи национального возрождения славянских народов, которая сыграла определяющую роль и в истории литературных славянских языков. Именно к этой эпохе относится возникновение новых литературных языков или качественное обновление существовавших ранее у отдельных народов литературно-письменных форм этнического языка. В социолингвистическом и историко-культурном аспекте особое значение имело обретение этими новыми или обновленными языками статуса общенационального литературного идиома, который выполнял важную национально-репрезентативную функцию и выступал не только как средство общения и литературного творчества, но и как существенный фактор консолидации нации, как мощное орудие развития образования, просвещения и национальной культуры. При этом очень большую роль играла сознательная, целенаправленная нормализаторская и кодификаторская деятельность реформаторов языка, в значительной мере определявшая пути складывания литературно-языковых норм и дальнейшую судьбу национальных литературных языков.

2. Вопросы истории славянских литературных языков периода становления современных славянских наций привлекали и привлекают пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Немало сделано в этом отношении, в частности, учеными Института славяноведения и Балканистики РАН, которые в сотрудничестве со славистами Московского, Санкт-Петербургского, Львовского и Тартуского университетов, а также других академических институтов опубликовали по данной проблематике целый ряд монографий, коллективных трудов и сборников статей. Вместе с тем многие вопросы формирования и функционирования славянских литературных языков эпохи национального возрождения не получили еще должного научного освещения или же остаются дискуссионными. Представляется необходимым с новых позиций рассмотреть и уточнить некоторые теоретико=методологические принципы изучения истории литературных языков. Несомненно нуждаются в систематизации, обобщении и новом осмыслении полученные ранее результаты конкретных исследований в данной области славяноведения.

3. Отметим лишь некоторые проблемы и темы, которые, на наш взгляд, представляют значительный научный интерес и заслуживают глубокого и всестороннего изучения.

По=прежнему актуальным является изучение роли и места национальных литературных языков в историко=культурной и языковой ситуации в славянских странах в конце XVIII в. - второй половине XIX в. При этом важно на конкретном материале показать сложный механизм взаимодействия внешних и внутренних факторов языкового развития, способствовавших созданию и внедрению в общественно=культурную практику отдельных национальных литературных языков.

До сих пор недостаточно исследовалась проблематика, связанная с раскрытием роли церкви и религиозной литературы на родном языке данного славянского народа в становлении и развитии национального литературного языка. Более обстоятельного освещения заслуживает, в частности, такой существенный фактор, как конфессиональные различия в данном социуме, которые иногда становились тормозом на пути формиро-

вания единого литературного языка. Несомненный интерес представляет также малоизученный вопрос о роли переводов Библии на национальные славянские литературные языки, о значении этих переводов в плане складывания системы норм литературного языка.

Имеет большое историко=культурное значение и нуждается в освещении с новых позиций вопрос о том, как в языковой теории и литературно=языковой практике эпохи национального возрождения отражалась и преломлялась идея славянской взаимности. В этом отношении интересно было бы раскрыть внутренне противоречивый характер ее влияния в языковой сфере: с одной стороны, она способствовала развитию объединительных тенденций в области духовной культуры, литературы и литературных языков, с другой стороны, патристически настроенная славянская интеллигенция, осознающая самобытность своей нации, находила в концепции славянской взаимности (особенно в ее колларовском варианте) импульсы к созданию самостоятельных национальных литературных языков. С этим органически связана неправомерно забытая, но интересная и важная проблема разработки в рассматриваемую эпоху теоретических проектов (программ) и практических опытов создания искусственных литературных языков: е д и н о г о для всех славян (общеславянского литературного языка), р е г и о н а л ь н о г о (например, для южных славян), общего литературного языка для двух народов (например, своеобразного "чешско=словацкого" литературного языка, концепцию которого разработали и пытались реализовать на практике П.И.Шафарик и Я.Коллар).

Актуальным является также широкий круг вопросов, касающихся различных аспектов взаимосвязи и взаимовлияния славянских литературных языков на стадии их формирования и начального функционирования. Специального анализа заслуживает, в частности, проблема литературного билингвизма. С привлечением новых архивных материалов интересно было бы более полно и широко осветить важную не только в лингвистическом, но и в историко=культурном плане тему "Формирование литературных языков зарубежных славян и русские слависты".

Недостаточно разработанной представляется проблема **п у р и з м а**, имевшая существенное значение в эпоху национального возрождения. Еще предстоит более глубоко раскрыть положительные и отрицательные стороны этого явления, показать различную направленность, степень интенсивности и результативности пуристических тенденций, их общие и специфические черты в истории отдельных славянских литературных языков.

Важное значение имеет изучение закономерностей внутрисистемной динамики разных уровней структуры формирующихся национальных литературных языков (фонетического и грамматического строя, словарного состава и т.п.). Интересно проследить связь этой внутрисистемной динамики с кодификаторскими усилиями реформаторов и нормализаторов славянских литературных языков в изучаемый период.

Е.А.Сорокина (Москва)

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ЧЛЕННЫХ ФОРМ ИМЕНИ В ЛИТЕРАТУРНОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория определенности-неопределенности на протяжении многих лет находится в центре внимания лингвистов. В эпоху Возрождения и особенно в первой половине прошлого столетия проблема членных форм (ЧФ) в болгарском языке была актуальна для авторов первых болгарских грамматик и произведений на новоболгарском языке. С принятием или непринятием морфологического показателя категории определенности связаны два противоположных взгляда на язык новоболгарской литературы. В сущности отрицательное или положительное отношение к ЧФ было характерным отличием между церковнославянской и новоболгарской школами. В книжном болгарском языке периода Возрождения еще не существовало четко сформулированных правил употребления ЧФ, что было обусловлено неясностью их семантической и грамматической природы как языкового явления. Диалектное разнообразие ЧФ имени вносило известные колебания в письменную практику того времени. В народном болгарском языке употребление указательных местоиме-

ний ТЪ, ТА, ТО в постпозиции переросло в значение артикла задолго до момента отражения этого явления в памятниках болгарской письменности. Книжная традиция, ориентированная на церковнославянский язык, сдерживала употребление народных ЧФ имени в текстах того времени. По нашему мнению, в период национального Возрождения система ЧФ в болгарском языке являлась достаточно развитой, находилась на продвинутом этапе становления, ибо формирование системы ЧФ отмечено нами в памятниках болгарской письменности более раннего периода — в дамаскинах XVII в. на народной основе.

Язык дамаскинов XVII в. на народной основе представлял собой особый исторический тип литературного языка, присущий в эпоху предистории современных славянских и балканских литературных языков и другим народам¹. На уровне системы графики язык дамаскинов XVII в. следовал традиционной книжной норме, а на уровне грамматики и лексики — узусу живой народной речи. Мы разделяем в этом отношении точку зрения Е.И. Деминой, в исследованиях которой в частности доказывается существование системы и нормы книжного болгарского языка XVII в. на народной основе и указывается на наличие своеобразной модели формирования этой нормы. Норма книжного болгарского языка XVII в. на всех уровнях текста формировалась не только на основе народно-разговорного идиома и стоящих за ним системы и нормы, но и под влиянием традиционного болгарского литературного языка болгаро-сербской редакции².

Анализ накопленного нами материала демонстрирует, что книжный болгарский язык XVII в. на народной основе имеет свою собственную н о р м у употребления ЧФ имени, и эта норма имеет много общего с современным состоянием нормы употребления ЧФ в болгарском языке. Регулярность появления ЧФ имени в текстах дамаскинов на народной основе указывает на наличие с и с т е м ы ч л е н н ы х ф о р м в языке того времени. Вместе с тем в них отмечается значительное количество вариантов, о т к л о н е н и й от нормы как в написаниях членных морфем, так и в употреблении ЧФ имени.

Авторы первых грамматик болгарского языка приводят не-

одинаковые данные о написании ЧФ имени. Это свидетельствует о том, что система написания (как и произношения) ЧФ в болгарском литературном языке в XVIII - начале XIX вв. не была еще унифицирована. В текстах этого периода употреблялись и склоняемые членные формы имени. Так, С.Радулов в своей книге "Учебник за българский език" (1863) приводит эти формы, квалифицируя их как диалектные: конец=того, коню=тому. В дамаскинах XVII в. склоняемые ЧФ встречаются, но их нельзя назвать регулярными и, следовательно, нормативными. Морфологическим показателем определенности в дамаскинах XVII, XVIII вв. могло быть указательное местоимение онзи. "Особенное" употребление этого местоимения в дамаскинах отмечено Л.Милетицем. Он определил такое употребление как народное и характерное для определенного периода развития болгарского языка: до полного поворота, произошедшего в пользу современной членной формы. С точки зрения использования указательного местоимения онзи в качестве артикла книжный болгарский язык XVII в. и XVIII в. не имеет отличий.

Говоря о значении членной формы имени в дамаскинарских текстах, следует отметить, что использование ЧФ в анафорической функции близко к норме современного литературного болгарского языка (СБЛЯ). Регулярность подобного употребления служит той отличительной чертой, которая отделяет в текстах, написанных на новоболгарском языке, членные формы от указательных местоимений в анафорическом значении. В функции количественной определенности ЧФ в дамаскинах употреблялись регулярно, если в тексте шла речь о конкретном множестве; как только множество увеличивалось, переходя к абстракции, то ЧФ имени книжниками не выбирались. Генерическая функция ЧФ в дамаскинах XVII в. только начинает формироваться. Например, в тексте Тихонравовского дамаскина отмечен лишь один пример использования ЧФ имени в высказывании универсального характера. Заметим, что полное уравновешение формальной стороны болгарского артикла и его смысловой и функциональной стороны, возможно, не произошло до настоящего времени, так как до сих пор существуют колебания

в употреблении ЧФ имени в высказываниях со значением генеричности.

В тексте дамаскинов существовали различные ограничения в употреблении ЧФ имени, они несколько отличаются от современной нормы, однако можно наметить общие моменты для двух норм, например:

1. В книжном болгарском языке XVII в. на народной основе, как и в СБЛЯ, имена собственные (имена лиц, названия географических объектов) не употреблялись в членной форме.

2. Лексическое значение имени в отдельных случаях препятствует его употреблению в членной форме. Так, имена существительные, называющие группы лиц по их национальному, религиозному, социальному происхождению/положению, в дамаскинах в большинстве случаев используются в нечленной форме /ср.: пер'си, гражане, хрт'яне - в Тихонравовском дамаскине/. В СБЛЯ членная форма имени в таких случаях факультативна, ср.: Габровци (габровците) са пестеливи.

3. Синтаксическая роль имени в предложении влияет на выбор/невыбор ЧФ имени. Сходство в отношении невыбора ЧФ книжникам XVII в. и в СБЛЯ отмечено для имен, входящих в состав сложного сказуемого, ср.: зашо тои е достоенъ да бодје пастиръ на бѣиѣ людѣи /Тихонр. дам., I5, I38/ и Дървото е растение. Мъжът изглежда добряк (СБЛЯ).

Эти и другие данные свидетельствуют о том, что процесс формирования системы членных форм имени в том виде, в каком она функционирует в СБЛЯ, отражена еще в памятниках болгарской письменности XVII в.

01. Демина Е.И. К теории сравнительно-типологического изучения славянских литературных языков // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб - Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С.133-144.

2. Демина Е.И. Проблема нормы в формировании книжного болгарского языка XVII в. на народной основе // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973. С.118-141; Она же. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч.III. Тихонравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. София, 1985. С.53-74.

Ю.Е.Стемковская (Москва)

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЛИЦА ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ

Из всего многообразия аспектов изучения категории лица имен существительных (далее КЛ) в чешском литературном языке эпохи национального возрождения для нас наибольший интерес представляет тот, который через посредство языка, "фиксирующего наивную картину мира архетипическую для этноязыковой общности"¹, позволяет приблизиться к большему пониманию духовных и культурных ценностей чешской нации начала XIX в., ее самосознания и самооценки, сложившихся к этому времени социальных и нравственных норм. Языковая система является важным объективным свидетельством культурного, интеллектуального, социального, нравственного и гражданского состояния нации на данном этапе ее эволюции. В языке бессознательно отражаются сущностные характеристики нации, ее многовековой опыт познания мира и самопознания. КЛ дает богатый материал для изучения национального менталитета, так как она выражает характеристики и функции личности, наиболее значимые для данной нации.

В чешской лингвистической литературе КЛ традиционно рассматривается в рамках словообразовательных категорий и типов. Такой подход продуктивен, когда конечная цель исследования заключается в изучении способов выражения данной категории в языке. В нашем исследовании цель превращается в средство, т.е. КЛ и способы ее выражения в чешском языке интересуют нас не сами по себе, а как инструмент познания некоего экстралингвистического содержания, эксплицируемого данной категорией. При таком подходе дробление лексико-семантических классов слов со значением лица по словообразовательным типам не является информативным. Более продуктивным в этом плане представляется предварительное изучение лексико-семантической структуры категории лица и последующий морфологический, лексический, словообразовательный, стилистический

анализ лексем, составляющих отдельные подсистемы данной лексико-семантической структуры.

Источником материала исследования послужили "Чешско-немецкий словарь" Й. Юнгмана, публицистические и художественные тексты начала XIX в. Личный вклад Й. Юнгмана и его последователей в формирование лексического состава литературного чешского языка хорошо известен. Одним из принципов его теоретической концепции лексического обогащения языка, которому он следовал в процессе создания "Словаря", являлось заимствование слов из родственных славянских языков и ограничение использования слов романо-германской языковой группы (особенно германизмов). Привлечение иноязычного материала могло бы, конечно, исказить картину лексических и словообразовательных тенденций чешского языка начала XIX в. Однако, как свидетельствуют исследователи, "наблюдения над языковой практикой этого периода убеждают нас в том, что в большинстве случаев лексика, заимствованная из славянских языков, органически вливается в словарный состав чешского языка, углубляя и развивая те тенденции, которые реально существовали в лексике и словообразовании литературного чешского языка"².

Предварительный анализ собранного материала позволил построить следующую лексико-семантическую классификацию категории лица в чешском литературном языке эпохи национального возрождения.

Наименования лица: личностный аспект / социальный аспект. Личностный аспект включает два признака - постоянный и переменный.

Постоянные характеристики включают в себя врожденные или приобретенные черты личности, отличающие ее от других. Это: внешность человека - 1) очертания фигуры (čáran, vacháč, bezručec, bezhlavec), 2) выделенность какой-либо части тела (vachonáč, vřicháč, vřidáči, vřichoň), 3) детали лица (vračáč, vračáči, bezvračec, bezobec), 4) цвет волос, кожи (černaúš, belauš, bělák, bělohlavec); функциональные характеристики организма человека - 1) рук (čarbán, čna-

гукář), 2) ног (belhač, breylač), 3) органов речи (blbláč, blbotač, breptač, brepta, breptawec), 4) органов зрения (bljkač, bljkawec, blikeš), 5) органов пищеварения (bzďeč, bzďinawec, bzďoch); д у х о в н ы й у р о - в е н ь л и ч н о с т и - 1) психический тип (šíhač, bogák, bauřliwec, citliwústkař), 2) нравственная характеристика (bezostnjk, běstiák, dareba, šlowěkolibec), 3) умственная характеристика (интеллект) (bezrozumec, bezšmec, blblawec, bezrozumljk), 4) темперамент (bustrák, šipera), 5) отношения с Богом (blahoslawnec, bohowec, bezbožnj, bezbožnec, d'á-belnjk).

К переменным личностным характеристикам относятся внешние проявления личности, привычки, пристрастия, более или менее регулярное выполнение определенных функций, не являющихся профессиональными и др., параметры.

Социальный аспект описания имен существительных со значением лица включает следующие параметры: профессиональные функции, религиозная принадлежность, родственные и семейные связи, место проживания, национальность. Выделенные аспекты классификации по мере накопления и изучения языкового материала могут быть уточнены и дополнены.

Маркерами наиболее значимых для чешского менталитета характеристик лица могут служить следующие лингвистические показатели: лексическая синонимия и вариативность, стилистическая характеристика слов, словообразовательная активность тех или иных имен со значением лица, способность образсывать словообразовательные гнезда, их объем и структура, использование иноязычных лексических и словообразовательных средств, словообразовательная синонимия и вариативность, использование продуктивных словообразовательных типов и средств, которые демонстрируют "общественную потребность и актуальность понятия"³, обозначаемого данными средствами.

1. Касевич В.Б. Типология языков и типология культур // Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. Тезисы докладов и сообщений межреспубликанской конференции, октябрь 1992. М., 1992. С.17.

2. Широкова А.Г., Немченко Г.П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1976. С.67.

3. Dokulil L. Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. С.205-206.

Л.Н.Титова (Москва)

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК В ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЧЕШСКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Деятельность и "стиль жизни" чешского патриотического "микромира", заменяющего собой в первые десятилетия XIX в. еще не сформировавшееся национальное общество, возбуждает пристальный интерес современников, часто непонимание, а порой и страх. Недаром в прессе, корреспонденции будителей мы читаем об особой атмосфере, в которой жили "vlastenci" знаках, по которым они узнавали друг друга. Их сравнивают с масонской ложей, "клубом", "сектой" (И.Добровский).

Демонстративно подчеркивая свою принадлежность к "čejství" славянству, идеальным категориям Добра, Правды, Красоты (об этом, в частности, свидетельствует выбираемое ими второе имя: Православ, Красослав, Властимила и др.), к абстрактному миру положительных ценностей, патриоты придают особое значение чешскому языку, как е д и н с т в е н н о м у языку общения, стоящему в те годы, как известно, как бы вне культуры, не допускаемому к выполнению многих социальных функций. Причем это "Hoch böhmisch", язык избранных ("... не важно, что ни одна живая душа их не понимает", иронизирует герой одной из новелл И.К.Тыла).

Обязательным условием при вступлении на "патриотический путь" было овладение этим языком (в этом отношении интересна корреспонденция И.Юнгмана, К.Гавличка-Боровского и других деятелей чешской культуры, свидетельствующая об их весьма скромных знаниях родного языка).

Следовало также выполнять определенные нормы поведения, этикета ("выкани" вместо "оникани", обращение "pane vlastence" и т.д.).

С середины 40-х годов XIX в. в силу ряда обстоятельств социально-экономического и общественного характера вырисовывается реальная возможность формировать чешскую культуру не как культуру патриотической элиты, но как культуру национальную.

В среде патриотически настроенной интеллигенции происходят важные изменения. До того времени замкнутый "мирок", куда редко допускались "непосвященные", все более активно обращается к массовым формам общественно-культурной деятельности, втягивая в свою орбиту широкие слои чешского (либо потенциально чешского) населения. Переход этот отнюдь не резкий, но осознаваемый уже современниками.

В общественной жизни Праги и ряда других городов появляются новые либо видоизмененные – по сравнению с предшествующим периодом – "формы" ее организационной структуры. Это культурно-просветительские кружки и общества, "читательские клубы" и библиотеки, "академии" и "беседы". Свою задачу они видят в развитии родного языка, распространении чешской литературы и искусства, сплочении национального общества.

Участникам одного из подобных объединений, возглавляемых Фр. Л. Ригером, Я. Нихлем и Фр. Шумавским, провозгласившим себя "культурным славянским обществом", принадлежит заслуга в организации первого общественного чешского бала – "вещи неслыханной до того времени и в пражской общественной жизни совершившей истинный переворот" (Э. Басс). Цель этого бала, состоявшегося 5.2.1840 г. в здании пражского Сословного театра, – "проложить путь родному языку к общественной жизни".

В середине 40-х гг. чешские балы (за ними последовали словацкие балы, а затем и "славянские" – в Вене) уступают место "беседам" ("патриотическим академиям"), из которых позже рождаются объединения "Ческе беседы", принимающие активное участие в национальном движении.

На наш взгляд, отдельного внимания заслуживают "декламованки", ставшие обязательной частью программ "бесед", а также "výletů" (посещения мест, связанных с памятными со-

бытиями отечественной истории). Эти стихотворения, успешно выдержавшие конкуренцию с немецким репертуаром пражских "редут", "академий" и пр., сыграли заметную роль не только в популяризации родного языка в общественной жизни страны, но и в развитии литературы, публицистики, театра.

Языковая сторона "декламованок" — специфического жанра чешской поэзии XIX в. — представляет несомненный интерес при анализе историко-культурных аспектов формирования и развития чешского литературного языка в эпоху национального возрождения.

Н.И.Толстой (Москва)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

В 50-60-е годы нашего века были популярны статьи, определяющие программу развития гуманитарных наук и филологической науки в том числе. Среди работ такого рода выделялись статьи В.В.Виноградова, которые, несмотря на их официальный стиль, были, как мы сейчас можем судить, достаточно прозорливыми и реалистическими. Затем от статей подобного рода отказались, видя в них элемент директивности. Ныне, когда директивное развитие науки ушло в прошлое, можно попытаться вернуться к утраченному жанру исследования.

И. Я з ы к о в а я с и т у а ц и я. Этому явлению в истории славянских литературных языков в последнее время уделяется серьезное внимание. Выполнен ряд работ, характеризующих древнерусскую языковую ситуацию, старопольскую и старосербскую ситуацию. Как правило, рассматривалась ситуация одного языка или двух близких языков (например, церковнославянского и древнерусского), в то время как не менее существенно анализировать ситуации в отдельных культурных ареалах, особенно тех, где осуществлялось литературно-языковое и сытовое двуязычие или многоязычие. Помимо многоязычия в истории славянской и европейской культуры существовали двулитературность и многолитературность (к сожалению, не

находится (более удачный термин). Это явление характерно прежде всего для мира *Slavia Latina*, хотя и в мире *Slavia Orthodoxa* в определенные периоды его истории и в определенных ареалах оно наблюдалось. Таким образом, параллельно с языковой ситуацией изменялась и литературная ситуация. Подобно языку, литература имеет свою внутреннюю историю и историю внешнюю. И та и другая существенна для историка литературного языка. Изменение систем жанров литературы влияет на изменение структуры стратов литературного языка, на его систему стилей (ср. систему жанров русской литературы XVIII в. и теорию трех стилей русского языка XVIII в. и т.п.), в то время как внешняя история литературы (контакты с другими литературами, переводная литература, заимствование жанров, распространение литературы и вне своего — национального, этнического ареала и т.п.) ставит вопрос заимствований в литературном языке, калькирования, развития семантики (смысла слов), синтаксиса и, опять же, стиля произведения. И история литературы, и история литературного языка имеет дело с письменным текстом, и все, что касается устного текста, относится к другим дисциплинам — к фольклористике и диалектологии. Именно необходимость обращения к письменному тексту побуждает историка литературного языка решать ряд проблем, которые входят в компетенцию историка литературы. К этим проблемам относятся происхождение и история текста, жанровая особенность текста, функция текста и др. В связи с этим возникают проблемы: а) выбора текстов-источников для истории литературного языка и б) сакральности и сакрального функционирования текста.

П. В ы б о р т е к с т о в — и с т о ч н и к о в для истории славянских литературных языков никогда не ставился и не решался как особая проблема. Почти для каждого славянского литературного языка он казался само собой разумеющимся и не требующим дискуссий. Казалось, что дело обстоит просто. При изучении истории литературных языков, обладающих малым количеством памятников, следует обращаться ко всем памятникам вообще (или до XVI в., до XVIII в. и т.п.), при исследовании

истории языков со значительным числом памятников следует их брать выборочно. При этом выбор оказывался различным. Чаще всего обращались к "показательным" памятникам, но для одних было показательно одно, а для других другое. К примеру, ряд историков древнерусского литературного языка и среди них прежде всего С.П.Обнорский считали показательной "русскость" и предпочтение отдавали русским памятникам с обилием русских диалектных черт, русским же памятникам с достаточно четкой церковнославянской орфографической и фонетической нормой придавалось либо второстепенное значение, либо они вовсе не принимались во внимание. Показательно, что теория С.П.Обнорского, точнее его книга 1946 г. была построена на материале всего четырех памятников разного жанра списков разного времени (Моление Даниила Заточника, Поучение Владимира Мономаха, Слово о полку Игореве, Русская Правда). Принцип "русскости", но уже несколько иного типа был предложен Р.И.Аванесовым для словаря древнерусского языка XI-XIV вв. В результате материал таких русских памятников, как Остромирово, Архангельское, Палицкое и др. евангелия, в словарь не попал, а мелкие записи из этих памятников в него вошли. Сторонники другого взгляда на древнерусский литературный язык, считавшие, что литературный язык древней Руси был языком церковнославянским, от В.В.Виноградова до Б.А.Успенского тоже никак не обосновывают выбор памятников для своих наблюдений. Но это не удивительно, т.к. так же поступали и Б.А.Ларин, обращавшийся в своих лекциях к значительному числу памятников, и Н.А.Мещерский, и А.И.Горшков, и другие.

С проблемой выбора памятников связан вопрос о том, какие виды письменных текстов относятся к сфере литературного языка, а какие к ней не относятся. Велась дискуссия о новгородских граммах и об их отношении к литературной норме. На том же русском материале обсуждался вопрос обособленности языка древних правовых кодексов (Б.О.Уинбегаун, В.М.Живов), специально анализировалась деловая речь. Такие исследования безусловно перспективны, равно как и плодотворно изучение языка отдельных жанров - житий, летописей, повестей, поучений и т.п.

III. Сакральным языком среди славянских языков был язык церковнославянский. Об этом свидетельствует само его название. Он функционировал в славянской и влахо-молдавской среде наряду с двумя другими сакральными языками — греческим и латинским. Что касается двух последних, то они в славянской среде были в неравном положении, т.к. греческий язык в мире *Slavia Orthodoxa* был почти вытеснен церковнославянским, в то время как латинский оставался до середины XX в. языком богослужения в мире *Slavia Latina*. Переводы с греческого на церковнославянский язык, переводы с сакрального языка на сакральный язык создавали такую группу текстов, которая в иерархической системе текстов (см. предложенную мною "пирамиду" в кн. "История и структура славянских литературных языков", с.168), занимала доминирующее положение и влияла на "нижестоящие" группы текстов. К тому же эта главенствующая группа состояла из очень консервативных текстов, изменение которых нередко считалось преступлением и грехом, т.к. сакральный текст в ряде случаев был связан с сакральным обрядом. Отсюда чрезвычайная устойчивость церковнославянского языка, медленность и плавность его развития, архаичность, богатство его лексического фонда и авторитетность его стиля. Развитие смысла сакральных слов тесно связано с развитием богословских догматов и идей, различных школ и религиозных направлений. В этом случае историк литературного языка не может обойтись без познаний теологического и церковно-исторического характера.

Р.Х.Тугушева (С.-Петербург)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕШСКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

30-40-е годы XIX в. является ключевым периодом в истории словацкого народа вообще и в истории словацкого литературного языка в частности^I.

Большое значение для изучения широкого круга вопросов, связанных с возникновением письменной формы национального

языка словаков, имеет частная переписка общественных и культурных деятелей, движимых чувством горячей любви к своему народу и отечеству и внесших свой вклад в создание самостоятельного словацкого литературного языка на основе родной речи. В этом отношении трудно переоценить важность издания эпистолярного наследия этих деятелей, которое в последнее время осуществляется "Матичей словацкой".

Самого серьезного внимания заслуживает в связи с этим и публикация писем Яна Франциски². Ян Франциски-Римавский (1822-1905) был одним из активнейших деятелей, беззаветно преданных делу подъема национального самосознания словацкого народа и его культурного развития. Вместе с Людовитом Штуром и другими представителями протестантского течения в словацком национально-возрожденческом движении он принимал участие в совещании (14 февраля 1843 г.), на котором было решено издавать на словацком языке газету, что явилось важным шагом на пути к литературно-языковой самостоятельности словаков. В начале 1844 г. Франциски опубликовал стихотворение "Моим сверстникам на память" — одно из первых поэтических произведений на литературном словацком языке, ставшим впоследствии общенациональным.

Анализируемое в докладе издание писем Франциски — поэта, публициста, политика, экономиста, общественного и административного деятеля — представляет несомненный интерес как важный документ изучаемой эпохи, в том числе как яркое свидетельство дискуссий и борьбы мнений по различным вопросам нормирования и кодификации литературного словацкого языка в середине XIX в. Письма Франциски, написанные им друзьям и сподвижникам в 40-е годы прошлого века, дают определенное представление о конкретном состоянии словацкого языка того времени. В них отражается и процесс перехода словацких протестантов в литературно-письменной сфере с чешского языка на словацкий. Например, письмо Франциски его ближайшему другу и соратнику А.Г.Шкультеге от 19.10.1842 г. написано еще на чешском языке (*řádekrahu přáteli!...*) а следующее письмо ему же, датированное 26.02.1843 г., — уже на словацком

(Predrahy Horislave!...).

Ценность эпистолярного жанра письменной продукции заключается, как известно, прежде всего в том, что в нем сконцентрированы все функциональные разновидности одного и того же языка, а его живая устная речь выступает в письмах в своем наиболее естественном, свободном и наименее стилизованном виде по сравнению с художественным текстом.

Письма Франциски отражают языковую ситуацию в Словакии 40-х годов XIX в. Ее отличительной особенностью было то, что в литературно-письменной сфере функционировали три литературных идиома, тесно связанных с развитием словацкой национальной культуры: чешский литературный язык и две разновидности литературного словацкого языка – бернолаковщина и штуровщина. При этом словацкие католики использовали литературный язык, кодифицированный А.Бернолаком, а словацкие протестанты – чешский язык и литературный язык, кодифицированный Л.Штуром.

Основным характерным признаком письменного проявления образованных людей Словакии в переходный период от использования ими чешского языка к использованию словацкого является насыщенность их чешских текстов словакизмами, а словацких текстов, наоборот, богемизмами. Среди словакизмов в чешских текстах преобладают орфографические (нерегулярность употребления *ř*, расхождения в обозначении долгот), грамматические (*našho, Slovákom i bratrum českým*), словообразовательные (*odjetí, jakový*) и синтаксические (*není bratga našeho*) отклонения от норм чешского литературного языка, в то время как богемизмы в словацких текстах в большинстве случаев представлены на лексическом уровне (*záie- l'at' domnenie*).

1. См.: Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1971. S. 104.

2. Listy Jána Francisciho. I. (1640-1650). Martin. Matica slovenská, 1990.

О РОЛИ ПЕРЕВОДА НОВОГО ЗАВЕТА В.С.КАРАДЖИЧА В
ВЫРАВНИВАНИИ НОРМ СЕРБСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(На материале абстрактной лексики)

1. Несмотря на освещение языковых и стилистических особенностей первого перевода Библии на "простой" сербский язык в работах многих исследователей, список актуальных тем, связанных с этим переводом, далеко не исчерпан. В частности, малоизученной представляется тема, связанная с его ролью в выравнивании лексических и словообразовательных норм нового литературного языка.

Предназначенный главным образом для домашнего чтения перевод Нового Завета В.С.Караджича материализовал концепцию нового литературного языка на народно-речевой основе, точнее, на основе новошtokавских говоров, занимающих большую часть сербскохорватского языкового пространства. В лексикографическом наследии Караджича (1818, 1852) отражено многообразие региональных фонетических явлений в одних и тех же лексемах, зафиксирована регионально маркированная лексика. Язык перевода Нового Завета Караджич шлифовал около трех десятилетий (1820-1847) и дал образец "выравненных" лексических и словообразовательных норм, единообразных и, в то же время, приемлемых для всего сербскохорватского языкового ландшафта. В этом смысле перевод Караджича имел аналоги в истории других европейских литературных языков. Близким по результатам воздействия был, в частности, перевод Библии на немецкий язык М.Лютера (XVI в.)¹.

2. Лексический инвентарь народного языка, обеспечивавший коммуникативные потребности преимущественно сельского населения почти два века тому назад, не был готов адекватно выполнять функции литературного языка. Чтобы сделать народный язык литературным, реформаторам национального периода, наряду с унификацией и стабилизацией норм, надлежало создать адекватную "интеллектуальную надстройку"². Сознательное вмешательство деятелей национального возрождения

в языковую практику имело разную направленность (ср.: Караджич, Обрадович, Шулек). Наиболее отчетливо его специфика отражена в переводных произведениях. У Караджича таким произведением была Библия, его единственный перевод. Обращаясь к переводу столь ответственного текста на "простой" язык, Караджич хотел продемонстрировать нестесненные возможности новошtokавщины в передаче содержания, выходящего за пределы национальной проблематики, показать достаточность лексического фонда народного языка.

Эта задача была решена в целом успешно, но трудности при переводе были большими. О них Караджич сообщил в известном "Предисловии" к переводу Нового Завета, в котором он обнаружил списки слов, не имевших аналога в простом языке и привнесенных им же из других источников или созданных специально. Это были в основном абстрактные имена существительные (или их потенциальные производящие), восполнявшие лакуны номинационного фонда нового литературного языка.

Номинационный поиск Караджича, открывающий процессы языкового выравнивания, исследуется в докладе и за пределами упомянутого списка. Для этого привлекаются церковнославянский и русский переводы Библии, которые служат хорошим фоном для сопоставительного изучения всего фонда сербских *nomina abstracta* в переводе В. Караджича.

3. Сопоставительный анализ перевода Караджича с другими славянскими переводами Библии, которые имелись в тот период и могли быть на его рабочем столе, а также с новым синодальным переводом Библии на сербский язык (1992) позволяет уточнить и дополнить наши представления о стратегии лексического моделирования Караджича. Передачу Караджичем абстрактной лексики на сербский язык отличал ономастологический подход, т.е. "от значения к форме". Например, цсл.: по жестосердию вашему написа вамъ; рус.: по жестокосердию вашему написал он вам; В.К.: по тврди вашего срца написа вам он.

В докладе охарактеризована типология этой (ономастологической) "формы". Эквиваленты, подбираемые Караджичем, могли:

а) совпадать "один к одному" с абстрактным именем из

текста переводе-посредника, б) быть одного корня, но с другим суффиксом, т.е. относиться к другому словообразовательному типу, в) совпадать по образцу словопроизводства, г) передаваться непрямими общеславянскими древними абстрактными именами, д) передаваться словосочетанием, компоненты которого отражают семантику корневых морфем абстрактного имени, подлежащего переводу, е) передавать семантику "регулируемо" или "усеченно", т.е. передавать смысл только одной корневой морфемы (благоволие > воля), ж) "разворачивать" семантику абстрактного имени из текста-посредника в описательную дефиницию.

Подбор сербского аналога был обусловлен (задавался) структурно-семантическими параметрами церковнославянского абстрактного имени существительного, подлежащего переводу (напр.: милость, благодать, жестосердие и т.п.). Однако сербский аналог по своей фактуре должен был строго соответствовать своему стандарту, равнявшемуся на образцы древнейшего, глубинного фонда сербской народной лексики. Этот стандарт был "инвариантным" для всего сербскохорватского языкового пространства. Караджич внимательно следил, чтобы отклонений от этого стандарта не было.

4. Основные приемы и средства создания "интеллектуальной надстройки" караджичевского типа таковы: а) расширение номинационного фонда за счет семантического калькирования (эксплуатация одних и тех же древних лексем: страх, срам, беда, правда и т.п.); б) упрощение композитов; в) устранение иностранных слов (церковнославянских и турцизмов); г) редкая неологизация; д) в случае крайней необходимости сербизация славянских слов.

5. Анализ этих приемов в свете пуристической идеологии периода национального возрождения приводит к выводу о том, что творческое наследие Караджича спиралось на глубокое, интуитивное знание законов развития сербского языка, а его своеобразный пуризм сыграл положительную роль в шлифовке, выравнивании и аффициации лексических и словообразовательных норм современного литературного языка.

1. Филличева Н.И. Немецкий литературный язык. М., 1992. С.144.
2. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С.349-354.

В.В.Усачева (Москва)

РОЛЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДОВ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ В РАЗВИТИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ
ЯЗЫКОВ

Период конца XVIII – начала XIX вв. характеризуется пробуждением этнического и национального самосознания славянских народов. В славянских странах возникают сходные историко-культурные предпосылки для возрождения и обновления литературных языков или их возникновения и формирования. Работа над созданием общенациональных словарей была продиктована новой языковой ситуацией. Словари должны были помочь в кодификации языков, в выработке языковых норм.

Предшествующая эпоха оставила немало лексикографических образцов. В XVIII в. успешно развивалась дву- и многоязычная лексикография, призванная удовлетворять насущные потребности общества. Появлялись отраслевые словари, лексиконы иностранных слов, учебно-тематические словари. Эти последние являются своеобразным связующим звеном лексикографии средневековья и нового времени.

Словарь играет первостепенную роль в процессе возрождения и поддержания национального самосознания. Язык выполняет не только коммуникативную роль, он обслуживает и сферу культуры. Каждый словарь является памятником своей эпохи. Он отражает реальную языковую действительность. Он отражает взгляды автора на язык, на его отношение к языковому материалу, показывает уровень лексикографической науки. Несмотря на субъективные моменты, лексикограф объективно представляет языковую норму того или иного временного среза. Развитие наук, новые открытия, новые идеи требуют создания новых понятий, которые должны быть закреплены в язык-

ке, а затем зафиксированы в словаре. Этим объясняется огромный интерес к языку, к фиксации новых лексем в лексикографических работах.

О.Копчинский, автор одной из лучших грамматик польского языка XVII в., поддерживавший идею создания национального словаря и помогавший С.Б.Линде в осуществлении этого замысла, считал, что словарь — это фундамент всего. Он нужен для того, чтобы передать достижения науки, образования всему народу для его просвещения, он поможет и тому, кто пишет книги, передавать свои мысли правильно, ясно, образно и красиво.

Деятели славянского возрождения постоянно подчеркивали необходимость привлечения в качестве материала для словарей национальных языков не только памятников письменности, но и живого народного языка, включая пословицы, поговорки, песни. Только так можно создать полнокровный литературный язык. Противники общенационального языка на народной основе выступали против использования языка простого люда, называя его "мужицким", "хлопским", и признавали только язык литературных салонов. В этой борьбе победили те, кто видел в народном языке отражение истории и культуры своего народа. Они полагают, что в общенациональный словарь должны войти сведения из летописей, исторических хроник, памятников письменности, из научных и художественных произведений всех времен. Но главным материалом должен послужить современный язык, на котором говорят все слои общества, включая крестьян, ремесленников и мещан.

Угроза денационализации ускорила работу над общенациональными словарями в Польше и Чехии. Польский и чешский языки все больше вытеснялись из государственных учреждений, школ, периодических изданий. Словарь национального языка должен был упорядочить и сохранить национальное достояние, спасти язык отцов.

В лексикографической практике рассматриваемого периода нашли отражение идеи славянской взаимности. Так, И.Добровский опубликовал в Праге "План общего этимологического словаря всех славянских языков", в котором изложил основные

принципы построения всеславянского этимологического словаря. Например, все заимствования автор предлагал выделить в самостоятельный глоссарий. Основные принципы Добровского были использованы в лексикографических разработках А.Х.Востковым и П.И.Шимкевичем.

С.Б.Линде, работая над "Словарем польского языка", собирал слова всех славянских языков и включил их в свой труд, впервые показав единство лексического состава родственных языков. Он увидел много общего не только в отдельных лексемах, но в пословицах и поговорках, в народных выражениях, в названиях древних божеств, праздников, общность верований и обычаев. Он пришел к выводу, что в скором времени должен возникнуть единый литературный язык славянский, как в свое время возник из разных итальянских диалектов единый итальянский литературный язык. Он не учитывал того обстоятельства, что поляки, русские, чехи и др. славяне давно имеют собственную словесность, развитие традиции литературных языков, закрепленные на письме. Но мысль о языковом и культурном единении славян не покидала Линде до конца жизни и проявилась в создании единого алфавита для всех славян, в работе над "Сравнительным словарем славянских языков". Главной идеей этого труда было сближение славян. В нем русский язык должен был стать основным с соответствующими параллелями из других славянских языков. Каждое слово толковалось с точки зрения его происхождения и образования, с указанием перемен, которым оно подверглось в течение веков, как по форме, так и по содержанию. М.Погодин в 1839 г. ознакомился с фрагментами нового замысла польского лексикографа. В них были новые мысли, объясняющие идеологию, философию языка. В письме С.С.Уварову Погодин выразил свой восторг следующими словами: "Вот новый источник для истории народов, источник, о котором не могли и помышлять наши отцы... Вот где заключается древнейшая история народа, как молодые перед ней летописи!"¹.

Словари, созданные в эпоху национального возрождения славян, отразили процессы, происходившие в языках при формировании норм литературного языка. В то же время они сами

активно участвовали в этих процессах, закрепляя и тем самым утверждая нормы кодифицированного языка.

Г. Францев В.А. Сравнительный славянский словарь С.Б. Линде. К истории славянской лексикографии // Русский филологический вестник. Т.54. Вып.1. Варшава, 1905. С.72.

Содержание

Г.К.Венедиктов. Церковнославянский в спорах болгарских возрожденцев о формировании нового литературного языка	3
В.И.Гудков. Вопросы теории литературного языка в свете истории литературного языка у сербов	6
Е.И.Демина. Концепция Ю.И.Венелина по устройению болгар- ского литературного языка нового времени	7
А.Д.Дуличенко. К типологии социолингвистических стра- тегий в эпоху национального возрождения: областные - общенациональные литературные языки - всеславянские лингвипроекты	13
М.И.Ермакова. Немецко-серболужицкая интерференция в истории серболужицких литературных языков	18
В.К.Журавлев. Опыт общей теории формирования и истории литературных языков. Понятийный аппарат	21
А.К.Кавко. О литературно-языковой преемственности в белорусском возрождении	25
Г.П.Клепикова. О народном влиянии на язык болгарской письменности XVIII в.: к проблеме варьирования диа- лектной базы	28
Н.А.Кондрашов. Пуризматические тенденции в славянских литературных языках	31
Г.А.Милич. Вопросы формирования литературного языка в переписке чешских будителей	34
К.В.Мишанов. Генезис и сферы функционирования наддиа- лектных образований словацкого языка	36
В.Е.Моисеенко. К проблеме изучения межславянских язы- ковых контактов	39
Г.П.Исидоренко. Эволюция принципов языковой эстетики и ее роль в развитии литературного языка	42
О.С.Плотникова. Идеи славянской взаимности и кодификация словенского литературного языка во 2-ой половине XIX в.	43
Л.П.Рупосова. Русско-словацкие языковые связи конца XVIII - первой трети XIX в.	47

В.М.Русановский. Источники языка русских повестей Т.Г.Шевченко	51
В.М.Свежинский. Предыстория формирования белорусского литературного языка нового периода	52
Л.Н.Смирнов. О некоторых актуальных проблемах истории славянских литературных языков эпохи национального возрождения	54
Е.А.Сорокина. К вопросу о начале становления системы членных форм имени в литературном болгарском языке	57
Ю.Е.Стемковская. Об одном аспекте изучения категории лица имен существительных в чешском языке эпохи национального возрождения	61
Л.И.Титова. Чешский язык в общественно-культурной жизни чешского общества первой половины XIX в.	64
Н.И.Толстой. Некоторые проблемы и задачи изучения исто- рии славянских литературных языков	66
Р.Х.Тугужева. Взаимодействие чешского и словацкого языков в период образования словацкого литературного языка	69
Г.Г.Тяпко. О роли перевода Нового Завета В.С.Караджича в выравнивании норм сербского литературного языка (На материале абстрактной лексики)	72
В.В.Усачева. Роль лексикографических трудов эпохи нацио- нального возрождения в развитии славянских литератур- ных языков	75

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ
ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ**

**Тезисы докладов
Международной конференции
Ноябрь 1993 г.**

**Оригинал-макет сборника подготовлен
в редакционно-издательской группе ИСБ РАН**

**Подписано в печать 7.10.93. Усл. печ. л. 3,9. Тираж 150 экз. Заказ №
Цена договорная**

